

Татьяна Буденкова

СТАЛИНКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Татьяна Буденкова
Сталинка

«Автор»

2025

Буденкова Т. П.

Сталинка / Т. П. Буденкова — «Автор», 2025

Вторая часть романа «Женская верность». Почему «Сталинка»? Кирпичные дома, построенные с конца 1930-х до середины 1950-х годов, теперь принято называть «сталинки». В коммунальных квартирах этих домов проживали по несколько семей. К ним приходили, приезжали родственники, друзья и просто знакомые. Общая кухня и коммунальные удобства не просто сближают людей в быту, раскрывают семейные тайны, переплетают судьбы. Каждый персонаж имеет реальный прообраз. Это люди, прошедшие через огонь и воду событий, изменяющих устои государства.

© Буденкова Т. П., 2025

© Автор, 2025

Татьяна Буденкова

Сталинка

Глава 1 Коммуналка

Красноярская осень тысяча девятьсот сорок первого года запомнилась жителям ни золотом листве, а серыми стегаными фуфайками на женских плечах. Мужчины ушли на фронт. Опустели улицы, притихли скверы. Город замер, будто исполинский медведь, готовясь подняться во всю свою мощь. По первому снегу, к середине октября, из прифронтовых западных районов страны стали прибывать составы с укрепленными на платформах станками и другим оборудованием эвакуированных заводов. Их сопровождали специалисты, имеющие бронь, а с ними их семьи. Холодной и промозглой сибирской осенью вопрос с жильём стоял, что называется, ребром. И без того плотно заселённые коммунальные квартиры, уплотнили. Потеснились, как смогли. Те, кто не устроился на квартиру, выкопали себе землянки. И на берегу Енисея вырос "Копай – городок". Постепенно землянки стали обрастать верхними надстройками, хлипкими и холодными. Кто-то рассчитывал сразу после войны вернуться в родные места, кто-то надеялся получить жильё тут. В это тяжелое время люди строили планы на будущее, потому что никто не сомневался: «...враг будет разбит, победа будет за нами». * Однако просуществовал этот "Копай – городок" более десятка лет. Какие дома, какое жильё? В первую очередь строили заводы. Фронту нужны были пушки, снаряды ещё вчера. Однако оказалось, что холод, скудное питание и тяжелый труд – это ещё не самое страшное. Страшнее казённые конверты похоронок, которые почта приносила с фронта. Война в каждую семью пришла как личное горе. И это личное горе каждого в отдельности, объединило всех вместе общей целью – победить ненавистного врага. Прибывающие составы разгружали и прямо с колёс. Под открытым небом начинался монтаж оборудования на площадках, которым со временем предстояло стать мощными заводами. Крышу и стены возводили потом, вокруг уже работающих станков.

Росли и расширялись действующие заводы. Так завод "Красмаш", ориентированный на выпуск драг, паровых котлов и экскаваторов для золотых приисков, уже в ноябре отправил на фронт первый эшелон пушек. К этому времени в него таким же "походным" порядком влились эвакуированные из западных районов Коломенский завод имени К.Е.Ворошилова, частично Ленинградские заводы "Арсенал" и "Большевик", калужские и сталинградские заводы. Завод "Красмаш" коренные красноярцы ещё более тридцати лет после окончания войны называли "Ворошиловским". А тогда после войны прошло всего четыре года. Ещё не износились солдатские шинели, ещё не все зарубцевались раны на теле бойцов, ещё не оплакали матери и вдовы. Ещё шумел ветер в хлипких постройках Копай – городка. Но уже поднимались жилые дома для людей. И вот он первый новый, кирпичный пятиэтажный дом. Широкие лестничные пролёты, на площадках только две двери. Ну да, коммунальные квартиры, те самые сталинки с высокими потолками, просторными кухнями и коридорами. У каждой семьи отдельная комната. В доме паровое отопление, вода горячая и холодная. Жизнь налаживалась.

На третьем этаже добротная двухстворчатая дверь, крашенная блестящей коричневой краской, с аккуратно выведенным номером «31» ведёт в одну из таких коммунальных квартир. За ней большой прохладный коридор. В слабом свете электрической лампочки, свисающей с потолка на длинном витом шнуре, можно разглядеть двери в комнаты жильцов: Сафоновых, Соловьёвых и Давыдовых. Возле каждой двери ситцевые занавески прикрывают деревянные вешалки, на которых зимой и летом располагаются стяжённые на вате пальто и плюшевые жакетки – модная вещь в те годы.

А кухня? Большая, светлая. Каждая хозяйка имеет свой кухонный стол. Днём в кухонное окно видно, когда в расположившиеся на первом этаже магазины что-нибудь привозят. Завидное преимущество послевоенной поры. Напротив дома небольшая деревянная будка – сторожка. Из кухонного окна видна как на ладони. Одного мужика с берданой вполне хватало для охраны этих магазинов, а также аптеки, почты и сберкассы.

По вечерам над крышей пятиэтажного дома из труб вился голубой дымок, потому что на каждой кухне топилась обыкновенная белёная печка. Потрескивали дровишки, разносился запах жареной с луком картошки.

Утро нового дня начиналось с невыразимо вкусного запаха хлеба, проникающего через открытую форточку. И жильцы понимали: через широкую арку, разделяющую дом на правое и левое крыло, к магазину подъехала хлебовозка. Выгружают лотки с ещё тёплыми буханками. А кроме этой арки, дом отличался от других свободным пространством между широкими лестничными маршами. Говорили, что вот-вот в каждом подъезде будет установлен лифт. Дом построили в первые послевоенные годы, и дорожную затею отложили на потом. Но жильцы утверждали, что пусть не в этом, так в следующем году лифт обязательно будет! Уж они-то точно знали.

Дело близилось к вечеру. На кухне Анастасия Петровна Сафонова, не молодая, но ещё статная темноволосая женщина, поглядывая на пару кастрюль и закипавший на печи чайник, чистила картошку. За соседним столом готовила ужин кудрявая черноволосая Мария Давыдова. Хлопнула входная дверь. С работы пришла Анна Соловьёва. Заглянула на кухню:

– Анастасия Петровна, мою кастрюльку поставьте. Супчику сварю.

– Кипит уже.

Вслед за Анной пришли с работы невестка Анастасии Петровны Елена и сын Петро.

– Мама, мы ужинать потом будем. В кино опаздываем.

Петро высокий, стройный, стрелки на брюках – порезаться можно! Чёрная фетровая шляпа, белый шёлковый шарф. Елена, даже на каблуках, только до плеча мужу.

На кухню выглянула невестка.

– «Карнавальную ночь» показывают в ДК «КрасТЭЦ». Так мы пошли?

– Сходите. Ужин я приготовила. – Пётр единственный сын! Овдовела рано, растила одна. – Фу ты!

– Что случилось, Анастасия Петровна? – Мария Давыдова никогда ничего не рассказывала о прошлом своей семьи, но куда деть на общей кухне настоящее? А настоящее – это крупный, кудрявый, как Мария, черноволосый и черноглазый муж Николай, который из-за больной ноги почти не ходил, а всё больше сидел у себя в комнате за круглым столом и читал толстые книги. И трое детей: красавица Зина – молодая копия мамы, готовилась поступать в медицинский институт. И два сына: Мишка, без сомнения папина копия. Коренастый, черноволосый, сосредоточенный на одних ему известных идеях мальчишка четырнадцати лет. И его брат четырёхлетний Юрка, ровесник внучки Анастасии Петровны. Русский, голубоглазый хулиган.

– Обожглась! Ложка горячая. Суп на соль попробовать хотела!

Обычный, как многие другие до этого, вечер в комнате Сафоновых. Под абажуром с золотистыми кистями круглый стол поверх скатерти накрыт клеёнкой с голубыми и розовыми цветочками. В центре красуется селёдочка с лучком и блюдо с хлебом. Три больших тарелки и одна поменьше исходят запахом свежего супа. Внучка Танюшка, явно не желая ужинать, возит ложкой по тарелке и выходит из-за стола самой последней.

После ужина каждый занят своими делами. Анастасия убирает посуду, Елена гладит мужу свежую рубашку, искоса поглядывая на этажерку, где её ожидает «Сага о Форсайтах». Книгу дали до понедельника. На работе список из желающих почитать. Хозяйка бережно обвернула книжку газеткой, вложила закладку, чтобы не загибали уголки страничек.

Петро крутит ручку приёмника «Иртыш». Раздаются звуки вальса «На сопках Маньчжурии». Он замирает, прижавшись к приёмнику, слушает.

– Хороший вальс, – вздыхает Елена.

– Это не просто вальс, Ленушка. Это капельмейстер Шатров так в музыке о погибших боевых товарищах забыть не даёт. Представляешь?

Елена почувствовала, как дрогнул и напрягся голос мужа. И попыталась как-нибудь успокоить его.

– Давняя история...

– Давняя? В феврале 1905 года русский пехотный полк попал в окружение японцев. Тогда тоже воевали с ними. Какая же давняя? А им всё неймётся!

– Почему же неймётся? Вроде мир.

– С каких пор? Я что, по-твоему, ещё два года после сорок пятого с японцами в догонялки играл? Демобилизовался, но так и не услышал, что мир у нас... с ними. Выходит, наши ребята... под тот же вальс танцевали!

– Но ведь победили?

– Где написано? Кто сказал? Воюем, побеждаем... ложась костями в сырую землю, уходим на дно морское! Своими жизнями платим каждый раз! Как бы так зараз рассчитаться? Вот и в той битве с японцами, в Мокшанском пехотном полку боеприпасы закончились. Командир отдал приказ: «Знамя и оркестр – вперед!..»

– Петя!

– Ты... не перебивай! Ты дослушай! Капельмейстер Шатров отдал приказ играть боевой марш и повел оркестр вперед за знаменем полка. Ты представь, у них всё оружие – музыкальные инструменты! Из четырёх тысяч солдат в живых осталось семьсот! Из оркестра – семеро. Но прорвали окружение! Думаешь, им жить не хотелось? Думаешь, не знали, на что идут? Умирать страшно, но пока ты жив, не веришь, не представляешь себя мёртвым. А в бою бояться некогда. Страшно до или после.

– Петя, что уж... теперь? Вот, завтра в ДК «КрасТЭЦ» новый фильм «Тайна двух океанов». Название такое загадочное. Может, сходим?

Но Петро будто не слышал ничего, что не касалось погибших воинов.

– А теперь, Ленушка, ты только подумай, вальс помнят, знают, а героев? Кто их хоть раз вспоминал поименно? Где золотом написаны их имена? Теперь! Что уж теперь? Если бы не вальс... так и не вспоминали бы! Героев помнить и чтить, помнить... – Его голос перехватило.

Елена лихорадочно искала, на что бы переключить внимание мужа. Понимала, говорит о тех солдатах, а думает о своих, не вернувшихся с войны моряках.

– Шатров выжил и в честь своих товарищей написал этот... вальс! Он и слова написал, чтобы... павших героев оплакать и одновременно возвеличить! А моряков, а наших моряков?! Вот, смотри!

Петро выхватил с этажерки свой фронтовой альбом.

– Вот Порт-Артур. Лидер «Зенит» 23 февраля 1948 года, старшинский состав. Спроси их, с кем... с кем воевали? А вот, вот... – Фотографии боевых товарищей мелькали на страницах альбома.

– А наши ребята-подводники со «Щуки», где они? Где?! Ленушка, на дне морском. Мне повезло, спасибо морякам «Зенита», спасли. Я в обломок какой-то вцепился. Говорят, примёрз к нему одеждой, повезло! А знаешь, скольким не повезло?

Лицо Петра изменилось до неузнаваемости. Тонкие ноздри побелели, губы будто что-то пытались ещё сказать, открытый рот, захлёбываясь, хватал воздух.

Елена с трудом забрала альбом из рук мужа. Гладила его руки, плечи.

– Не надо, не надо, пожалуйста, не надо. Попей воды, губы пересохли. – Протянула стакан, из которого брызгала, когда гладила рубашку. Напряжение медленно отпускало мужа.

– Петя, – Анастасия Петровна как нельзя вовремя вошла в комнату, – на плитке спираль перегорела, посмотри. Я вот запасную купила.

– Хорошо, мама. Я сейчас. – Трясущимися руками выключил приёмник. – Иду. Уже иду.

Глава 2 Горькая правда Анны Соловьёвой

Анастасия Петровна тихонько вздыхала, не в силах отмахнуться от допекавших мыслей. Думала о том, что война большинство мужиков выкосила, а тех, над чьей головой только просвистела её коса, здоровья лишила. Вот и Петя, слава Богу, живым вернулся, но здоровье там, на подводной лодке оставил. На войну-то уходил совсем молоденьким. В январе восемнадцать исполнилось, в мае забрали. А там и война началась. После войны опять горе. Похоронили они с Еленой первенца своего Валерочку. Когда родилась Танюшка, Елену, как положено, через две недели выписали на работу. Тогда Петя заявил:

– Выбирайте: либо ты мама, либо Ленушка – остаётесь дома. Некуда отдавать дочь – ни в ясли, ни в садик – не позволю.

И какой тут выбор? С тех пор Анастасия Петровна домохозяйка. А только пятьдесят лет стукнуло. Только пятьдесят или уже пятьдесят? Это как посмотреть.

Вечер давно перешёл в ночь. В окно заглядывала ночная темень, да виднелись вспышки электросварки. Напротив дома строили завод, возводили будущую заводскую трубу. Говорили, будет завод шёлковые нитки выпускать. Значит, в магазинах шёлк продавать будут. Хорошо бы.

Уснула, только когда светлеющее небо погасило сверкающие звёзды сварки на будущей заводской трубе.

Обычное утро, обычные дела. Анастасия Петровна сварила кашу для внучки и принялась за уборку. Мягкой белой тряпочкой протёрла пыль с комода, этажерки с книгами, приёмника "Иртыш". А когда очередь дошла до гардероба, рука её так и замерла. Блестящую поверхность зеркала, укреплённого на дверке, прочертили трещины, разделив его на три неравные части.

– Ой, матушки мои! – перекрестилась, осторожно смахнула пыль. – К чему бы? Зеркало треснуло. Ох, не к добру. Не заметила когда? Последний раз пыль протирала, целёхонько было.

Присела на край дивана. Под руку попала игрушка, подаренная Анной Соловьёвой Танюшке. Невольно пришёл на память день, когда ездили крестить внучку. В церковь отправились тайно, хотя, какая тайна, если крёстной матерью пригласили ту же Анну? А всех соседей Петровна вечером пригласила на ужин. Однако и соседи, и Петро сделали вид, что знать ни знают: в честь чего Петровна отменные пироги напекла.

А вечером того дня, убрав со стола и выключив свет, сидели на кухне: она, Елена и Анна.

– Завидую я тебе, Елена, – вздохнула Анна. – Уж очень маленького хочется. Как бы я его любила и берегла, как бы берегла...

– Ой, какие твои годы? Успеешь ещё, – улыбнулась Елена. Анна молча теребила подол.

– Да уж больно Иван пьёт. Может, оттого и Бог дите не посылает? – Анастасия выглянула в окно. Темень, фонари зажглись.

– Я думаю, может, Иван и пить бы бросил, если бы я родила.

– Ну да, жди... как бы ни так. Если мужик пьющий, то дети не помощники и не помеха. Вон Пятков из соседнего подъезда, детей мал мала меньше, а вчера смотрю, за кустиками во дворе, – Елена кивнула в сторону окна, – сидят «охотнички», портвейн на троих разливают.

– А Николай Давыдов, сосед, на виду каждый день. Даже на праздники ни – ни. А уж ему ли не тяжело? И нога искалечена, и со здоровьем не особо, хотя по виду не скажешь. Вроде сильный, крупный мужик, а здоровье где-то оставил. И молчат оба, Мария не особо разговорчива, а уж Николай только когда по-соседски что нужно, это всегда пожалуйста. Правда, тут слыхала... – Анастасия Петровна осеклась, вдруг усиленно начав вытирать и без того чистый стол.

– Участковая врачиха со мной поделилась, что Николай Давыдов в немецком лагере... здоровье оставил.

Неловкое молчание повисло на кухне.

Анна ещё немного помолчала и так же негромко продолжила:

– Видела я лагеря такие во время войны. На ночь глядя лучше не вспоминать. Если там побывал Николай, про здоровье говорить не приходится. Жив остался, уже счастье. Евреев немцы поголовно уничтожали. А что Давыдовы евреи, так то невооруженным глазом видно.

– Опять же, Зинаида и Михаил копия своих родителей: черноволосые, кудрявые, черноглазые, а младшенький Юрка – белокурый, голубоглазый. В кого? – Как бы между прочим поинтересовалась Петровна.

– Мама, если бы не Юркины голубые глаза да русые волосы, разве бы тебе пришло в голову такие вопросы задавать? Сколько сирот война оставила? Может, благодаря Давыдовым на одного меньше стало. Хотя, кто знает?

– Ну и ладно. И не надо знать нам. К чему, зачем? Живём по-соседски мирно, дружно и, Слава Богу. Пьёт твой Иван, что за уши льёт. Зато когда трезвый – куда с добром мужик! Да и где ты другого по нынешним временам найдёшь? А вот ребёнок? И зачем бы я жила, если бы не родился Петенька?

Анастасия выключила плитку, на которой загремел крышкой синий эмалированный чайник:

– Может, чайку налить?

– Я забеременеть не могу... – еле слышно, прошептала Анна.

– У врачей была? – Елена положила свою ладонь на её руку.

– После того раза нет...

Анна глубоко вздохнула и, вдруг решившись, захлёбываясь словами, размазывая по лицу слёзы, заговорила:

– Была я беременная. Да отец ребёнка – немец.

Помолчала минуту, другую и продолжила:

– Не- на-вижу! – Уставилась в темноту остановившимися глазами: – Тогда не могла иначе. Посоветовали мне одну женщину... Дала она настой из трав, я и пила, пока по дороге на работу плохо не стало. Очнулась в больнице. С тех пор в больницу ни ногой. Прямо жуткое видение перед глазами от одного только запаха больничного.

– Дитё-то при чём? Опять же у Давыдовых Юрий. И кому какое дело? Чем бы твой от остальных отличался? Мало ли, сказала бы погиб отец, – рассудила Анастасия Петровна.

– Мама! – Одёрнула Елена, ощутив, как дернулась всем телом Анна.

– Он и погиб. А ребёночек, врач говорила, жил ещё несколько часов. Белокурый, голубоглазый сын!

– Аня? Аня, что с тобой? – Анна забилась в беззвучной истерике. Елена прижала её голову к себе и гладила, гладила по русым волосам. Анастасия подала Анне воды, было слышно, как стучат её зубы о край стакана. Немного успокоившись, вздохнула:

– Иван меня без чувств на улице подобрал, в больницу отнёс. Так и познакомились. Сам-то он репатриированный поволжский немец. – Помолчала горько и повторила: – Немец! Чем с такой болью в душе жить, лучше бы померла тогда.

– Что ты такое говоришь? Всё ещё будет! И дети будут!

Женщины уговаривали, успокаивали и сами верили, что обязательно всё у Анны будет хорошо. Война никого бедой не обделила. Только кому от этого легче? Вот и у Анны никак не заживали раны в душе. И не было от той боли лекарства.

Укладываясь спать, Анастасия рассуждала: если Иван с Поволжья, то почему немец? Кто такие репатриированные и вовсе не знала. Опять же фамилия Соловьёв, не немецкая. Решила, как-нибудь подберёт подходящий момент и расспросит Анну.

Дни одновременно одинаковые и разные, как листочки на дереве, проходили один за другим. Анастасия занималась Танюшкой, домашними делами и ждала вечера, когда все вернутся с работы. Возле входной двери кто-то с трудом попал ключом в замочную скважину.

–Здрассте, – Соловьёв Иван, высокий, крепко скроенный мужчина, еле держась на ногах, ввалился в коридор. Протопал в свою комнату и всё затихло.

Вышла Мария, вынесла посуду после ужина, перемыла её, сказала, что эту неделю их очередь мыть пол в коридоре и на кухне, так она завтра утром и отведёт её. Анастасия ещё стояла у плиты, когда пришли Елена и Петро.

–Мама, ужин не накрывай. Мы в гости и Танюшка с нами, – выглянула на кухню Елена.

И через пятнадцать минут принаряженное семейство отправилось из дома.

Плита протопилась, и мясо для супа Анне Анастасия сварила. Только сама Анна всё не шла с работы. Анастасия посчитала дни. Ну, да, так и есть, конец месяца! Только успевай отсчитывать! Анна работала табельщицей и в конце месяца частенько задерживалась на работе. От протопленной печи по всей кухне распространялось тепло. Электрические плитки, оно конечно, дров не надо, но и дорого, и долго. Пока это на плиточке сваришь – полдня пройдёт. Так и приспособились всей секцией: Анастасия Петровна затапливала печь и ставила приготовленные соседками кастрюльки. Печка потрескивала дровишками, которые хранили в подвале, даже из подъезда выходить не надо. Сразу от парадного входа направо вверх лестничные марши к квартирам, налево вниз – в подвал. Подвал сухой и чистый, с белёными стенами, разве что без окон, а так хоть живи. На входе в подвал – замок, чтоб мальчишки ненароком пожар ни устроили. В каждой секции от подвала собственный ключ имелся. Печи топили все, каждый вечер. В подвале у каждого своя стайка, двери на щеколде, чтобы не открывалась.

–Анастасия Петровна, – она вздрогнула. Задумавшись, сидела без света и не услышала, как пришла Анна:

– Почему без света?

–Ой! Да так. Твой давненько пришёл. Ты не буди. Пусть проспится.

Анна кивнула и, тихонько ступая, ушла к себе в комнату. Вернулась быстро, в домашнем халате.

Чистила картошку и вздыхала, наконец, повернулась к Петровне:

–Анастасия Петровна, вы уж сильно-то Ивана моего не судите. Ему ведь тоже досталось.

– Ну ить... – как-то неопределённо и горестно вздохнула Петровна. Анна, видимо решившись, заговорила:

– Иван меня от верной смерти под исход весны сорок пятого года спас. Жила я на окраине Минска. Город это, Петровна, красивый город... – Она перевела взгляд на тёмное окно, будто там увидела этот красивый город, да так и замерла.

–Ань, Аня?! Суп "убежит"!

–Так вот, немцы-то у нас почти три года стояли. Возле города лагеря смерти. Недалеко от того места где я жила, тоже был такой лагерь. Похоже, в таком же страшном месте Николай Давыдов терпел муки от немцев. А мой Иван по родителям немец.

–Ты говоришь с Поволжья?

–Никогда и никому не рассказывала... – Анна помолчала, набираясь решимости, и заговорила негромко, прерывисто:

– Ну да, с Поволжья... немец. Не знаю, не спрашивала, но, видать, не первое поколение его родственников в тех краях родилось. Потому что, говорил Иван, жили в доме, где дед его и отец, да и он сам родились. Однако вся деревня немецкой считалась. Семья Ивана тоже. Но пришли голодные годы. И тут односельчане стали, как говорили, на родину предков, то есть в Германию возвращаться. Письма приходили, что жизнь там не в пример сытная. Ну, вот и

отец Ивана собрал своё семейство, выправил документы и увёз... на родину предков. – Анна замолчала, поднялась и осторожно выглянула в коридор:

– Как бы Ваня не услышал, что вот... рассказываю про нас. Не любит он этого. Говорит, что нет теперь такого русского, который бы согласился рядом с немцем жить. – И тяжело вздохнула.

– Так, наши-то вроде как друзья. Все трое: что твой Иван Соловьёв, мой сын – Петро Сафонов, ну и Николай Давыдов.

– Вряд ли Иван про себя мужикам рассказывал. Прятать ему нечего, стыдиться тоже нечего, только как это принять твоему Петру, похоронившему друзей в морской пучине, оставившему на войне с... немцами своё здоровье? А Николаю Давыдову, прошедшему через немецкий ад?

– Ну, так ить... – покачала головой Анастасия Петровна.

– До войны жизнь в Германии намного легче была. Иван говорил, что уж и приживаться потихоньку начали. А тут война. И получилось, в Германии они русские, в России – немцы.

Анна доварила суп, укутала кастрюлю полотенцем:

– Чтоб не остыл. Проснётся, накормлю.

– А зачем же назад возвращались после войны, если приживаться начали? – Анастасия Петровна поймала себя на мысли: мол, с чего это немец, которому и в Германии хорошо, вдруг в Россию направился? Анна будто почувствовала.

– Вот и вам... всякое думается. Потому и рассказываю, не хочу, чтобы в Иване врага видели. После войны в России рабочие руки нужны. В Германии тоже, но никого не спрашивали. Репатриация. Погрузили тех немцев, кто из России перед войной переехал, в телячьи вагоны и повезли из Германии обратно в Россию. Семью Ивана тоже погрузили в те самые вагоны. Мол, возвращают назад в страну, где раньше проживали. Выдали паспорт, в правах восстановили. Только родители его той дороги не пережили. Похоронил он их на разных железнодорожных станциях. Сначала отца, потом мать. Названия станций на бумажке записал, так и хранит ту бумажку и мучается, что их схоронил, а сам жив остался. – Голос её дрогнул, но, видимо, наболевшая душа не могла более терпеть в одиночестве.

– Твой Иван, как мой Петенька, видать, единственный сынок у родителей был.

– Нет. Говорил, что он младший в семье. Старшие ещё перед войной учиться поступили. Переезжать с родителями отказалась. В России остались. Иван запросы пишет, найти пытается. Пока без толку. Как в воду канули.

Анна опять выглянула в коридор, прислушиваясь, не проснулся ли Иван.

– Кто-то может свои горести и беды на трезвую голову пережить. А кому-то, как моему Ивану, даст водка забыться раз, другой. Вот и ищет потом человек в ней успокоение. А как очнётся того тошнее становится. И опять туда же.

– Мы, женщины, терпеливее мужчин. – Вздохнула Анастасия Петровна. – Тебе тоже не сладко, однако не пьёшь горькую

Анна покачала головой:

– Только от этого терпенья у меня в груди, будто угли тлеют. Я ведь сына по своей вине потеряла. Теперь не знаю, то ли живу, то ли заживо в аду горю.

– Прошлое не вернёшь. Не казись зря. – Вздохнула Петровна.

Анна, поправив гладко зачесанные волосы, продолжила:

– Возле Минска отцепили от состава несколько вагонов с репатрированными немцами. Видать не до них стало. Фронтовики возвращались. В одном из отцепленных вагонов должен был ехать Иван, уже без родителей. Тёплую одежду ещё по дороге отобрали, вроде обыск. Немчура, мол, одно слово. У кого что было припрятано, давно променяли на продукты. Иван приспособился подрабатывать на стройке. Вот и в тот раз, шёл утром на работу, а тут я на дороге без памяти. На руках в больницу принёс.

Петровна смотрела на соседку и понимала, как тяжело даётся ей этот разговор.

– Моя тётя по материнской линии ещё перед войной в Красноярск перебралась. Замуж за сибиряка вышла. А мои родители в Минске остались. Жили на окраине, свой дом, огород.

Который раз Анна замолкала, то ли подбирая слова, то ли набираясь решимости. Петровна, подождав немного, спросила:

– А ребёнок-то? Сынок?

– В тот день уже под вечер возвращалась домой. Мы с подругой стирали бельё в немецком госпитале. Иначе бы нас в Германию на принудительные работы угнали. До дома осталось рукой подать. А тут бомбёжка. Заскочили мы в развалины соседнего дома, а там немцы... Она назад кинулась, бегом через улицу... не добежала. Даже не вскрикнула. Только руки в стороны раскинула, повернулась лицом ко мне и рухнула как подкошенная. А на меня будто столбняк напал. Смотрю и вижу, медленно-медленно поднимается тёмный столб на том месте, где мой дом стоял. И какие-то палки, мусор, ещё что-то летит в разные стороны. И тут тишина настала такая, что я до сих пор помню, как шуршат камешки на осыпающихся стенах. Очнулась от того, что дышать тяжело и острая боль плечи выворачивает. Немец руки мои за спину заломил... грузный, тяжелый придавил к земле. Зажмурилась от страха и отвращения, а перед глазами картина: столб пыли на месте нашего дома. Помню, закричала, не помню что и удар в лицо. – Анну колотило как от холода. Анастасия налила горячего чая:

– Ну, будет, будет. Всё прошло, больём поросло. Наши тех немцев перебили... – ласково, как маленького ребёнка, пыталась успокоить Анну. Та отпила глоток и на одном дыхании продолжила:

– Очнулась, немец на мне так и лежит. Только тихий какой-то. Столкнула его в сторону, отодвинулась немного. Гляжу, у него кусок кровельного железа из спины торчит. Мёртвый он, убило гада. Ночевала там же. Идти не могла. Ноги отнялись. Потом ещё неделю пыталась обломки нашего дома разобрать. Найти останки родителей, да похоронить по-человечески. Не смогла. Всё перемешалось. Сказали, прямое попадание. Мгновенно погибли. Меня к себе жить родители погибшей подруги взяли. Было это осенью. А в конце весны я в больницу попала. С тех пор весну не люблю.

Анастасия Петровна слушала Анну: не задавая вопросов, не перебивая. Понимала как тяжело и больно переживать всё заново.

– Тогда, в Минске ждал Иван, когда, наконец, вагон дальше погонят. Заходил в больницу, проводывал. Подкармливал. Я, видя, что вроде как ухаживать пытается, рассказала всю правду о себе. Ну и... не ждала больше. А он на следующий день пришёл, горячую варёную картошку принёс в кастрюльке в его душегрейку завернутую. И говорит:

– Это твоя беда, а не вина. Ты одна, я – один. Вместе легче.

– У меня слёзы катятся, удержать не могу. А он:

– Только ты знать должна. Я тоже немец. – И встрепенулся: – Ты не подумай, что какой-нибудь беглый или там чего плохого. Рассказывать долго, а документы вот.

– И показал паспорт. Смотрю на него и ничего не понимаю. А он:

– Я же говорю, рассказывать долго. Но если поверишь...

– Я поверила. Расписались мы. Пошёл он к военному коменданту, проситься, чтоб определил, хоть на какую-нибудь работу. Оказалось нельзя. Предписание у него в Сибири жить. Но помог тот комендант, пристроил нас к эшелону, который шёл в Красноярск. Так мы тут и оказались. Первое время жили у моих родственников, а теперь вот, свой угол.

– А фамилия русская – Соловьёв? – Удивилась Петровна.

– Рассказывал, в деревне, где он родился половина Петровых, половина Плотниковых. Ивану фамилию в германии на немецкий манер оформили. Так он после регистрации мою фамилию взял.

– Значит, назад в Россию привезли и документы выдали? Это ещё ничего. А я вот слышала, тех, кого немцы угоняли... – В коридоре скрипнула дверь:

– Анна? – кашлянул Иван, – Аня?!

– Иду, иду. Мы тут с Анастасией Петровной супчик сварили, – закрыла на минуту глаза, набрала в грудь воздуха, поправила волосы: – Пойду я.

Анастасия Петровна смотрела в тёмное окно и думала: "Это же надо – был у Анны ребёночек... от немца. Не решилась оставить его жить. А кто бы в такое время решился? И ребёнок рос бы на тычках, и в неё все, кому не лень, пальцем показывали. Намучились бы оба. А так? Того тяжелее вышло. Ну... могла бы скрыть. Немец, нет ли, кто бы знал? Молодая, испугалась, да и отца его... люто ненавидела. – Анастасия Петровна вздохнула, покачала головой в ответ на собственные мысли: «Того немца нет в живых, но ведь и её Иван по рождению немец. Вот ведь, правду говорят, от судьбы не уйдешь!» – Она ещё раз вздохнула, открыла форточку и направилась к себе в комнату. Пора спать.

Глава 3 Амурная ночь в строжке

В этот вечер в коммунальной квартире проходил импровизированный кинопоказ. Из кухни Петро перетащил в коридор тумбочку, установил проектор для диафильмов так, чтобы светил на противоположную белёную стену. Давыдовы расставили в ряд стулья и уселись рядышком. Не было только Зины. Она готовилась к вступительным экзаменам в мединститут. Николай всегда выходил последним, садился с краю, чтобы уйти первым. То ли так удобнее сидеть с больной ногой, то ли просто стеснялся. Фильмы-то смотрели детские. Иван сел рядом с Анной, а та усадила рядышком Танюшку. Текст читала Елена о том, как девочка потеряла кошку. Мальчишки во дворе начали поисковую операцию. И носят ей домой самых разных кошек и котов. Вот мальчик передаёт ей очередную кошку, девочка отвечает: "Раша ныжая была». Мальчишка поражён: «Нинка чуть не умерла».

Елена читает с выражением, и все зрители смеются. Поздний вечер, пора бы спать ложиться. Но крутят ещё один диафильм о том, как жадный и завистливый мальчик хочет получить все игрушки из магазинов, мороженое и пирожное. И получает, оставшись одним единственным человеком во всём городе. Вначале он ходит по магазинам, выбирает любые игрушки, ест мороженое. Но почему-то играть одному совсем неинтересно, а мороженое кажется невкусным. Он бегает, ищет хотя бы одного человека, но никого нет. И тут Пеле, так звали мальчика, просыпается. Как же он рад, что это только сон и решает подарить другу свою любимую игрушку.

Но вот сеанс окончен. Выключен проектор, унесли стулья. Разошлись по комнатам соседи. Анастасия Петровна проверила, не забыла ли выключить плитку, на которой грела чай. Скрипнула дверь комнаты Давыдовых, брякнул о пол горшок.

– Да что ж это такое? Как время спасть, так тридцать три несчастья! То пить, то писать! – На кухню вышла Мария. И тут же раздалось из комнаты Сафоновых:

– Баба!

– Ну, это ж надо! – Всплеснула руками Анастасия Петровна.

И тоже вынесла горшок, усадив на него внучку.

Мария присела у ещё не остывшей печи. Было слышно, как в коридоре, гремя горшками, ребяташки устроили покатушки. В большом, свободном коридоре, отталкиваясь ногами от крашеного пола, передвигаться на горшках вполне получалось, но шумно.

– Дети, взрослые люди спать ложатся. А вы гремите. Или опять симулируете? – Попыталась урезонить ребятню Мария.

Напротив кухонного окна, под фонарным столбом располагалась обитая фанерой дощатая будка – сторожка, чтобы в морозные ночи сторожу было где обогреться. Ну и телефон в ней

имелся. За всю бытность сторожки вызывать милицию по этому телефону ни разу не приходилось. Похоже, мужику с берданой, теперь сторожившему магазины, а до этого дошедшему до Берлина с автоматом, было это делом плёвым. Поэтому желающих испытать на себе, как работает сторож, так и не нашлось. Зато, если кому родить приспичило или температура высокая поднялась, то позвонить в «скорую помощь» бежали в сторожку. Сам сторож в этой будочке по ночам редко обитал. С осенних холодов до ранней оттепели ходил в длинном зимнем тулупе до пят, валенках и берданкой через плечо, осматривая витрины и двери магазинов. А из окон дома вглядывались в темноту ночи женщины, которых война лишила любви. Там, под окнами раз за разом одинокий и молчаливый проходил сторож.

Так все привыкли видеть с вечера до утра этого бессменного охранника, что каждому казалось, будто его лично он тоже охраняет. И правда, краж в доме не случалось. Но никому в голову не приходило, отчего сторож бессменный? Есть ли у него дом, семья? Почему от рейхстага дорога привела его к этой одинокой будке-сторожке?

Свет на кухне не включали, зачем? Напротив окна светил жёлтый уличный фонарь. Анастасия Петровна навалилась на подоконник, вглядываясь в ночной полумрак улицы.

– Мария, глянь, неужели это сторож?

Без тулупа и без берданы, во френче и начищенных до блеска сапогах, так что даже из окна были видны отблески на голенищах, склонившись к невысокой женщине в жакетке и шляпке, он вёл её в сторону сторожки.

– Мария, смотри, смотри! – упёрлась лбом в оконное стекло Анастасия Петровна. А под окном во дворе сторож и его дама, о чем-то потолковав, вошли в сторожку. В маленьком оконце затеплился слабый свет.

– Чем они там занимаются?

– Ну... чем? Разговаривают... наверное, или может она... по телефону позвонить зашла. Поздно, почта и аптека закрыты, а больше откуда?

И тут соседки увидели, как из их подъезда выскользнула Фрося, проживающая в квартире напротив. Осматриваясь по сторонам, перебежками направилась к сторожке.

– Ей-то чего там надо? – Удивилась Анастасия Петровна. – Глянь, Фроська-то щучкой вытянулась возле окна. Подсматривает! – Прислушалась, к звукам из коридора:

– А наши, слышишь, хихикают и горшками гремят?

Мария вышла в коридор:

– Опять покатушки устроили? Симулянты! – Услышала Анастасия Петровна.

Разобравшись с Танюшкой, Анастасия Петровна вернулась к окну. А возле сторожки уже очередь образовалась!

– Надо же?! Так можно всё просидеть! – Накинув старую плюшевую жакетку, Анастасия Петровна заспешила во двор.

– Бабоньки, пустите глянуть. – В ответ приглушенно хихикнули. И тут же кто-то шёпотом приструнил:

– Тише, сторожка дощатая, стены тонкие, услышат и... конец фильма!

– Ой, бабоньки, и "конец" видать! Он встал и повернулся прямо к окошку. Вино из бутылочки наливает! – зашептала Фроська.

– Уже конец, опоздала я, что ли? – охнула Анастасия Петровна.

Приглушенный писк перешёл в хохот, и женщины бросились врассыпную.

Глава 4 Двойной удар

Утро следующего дня в семье Сафоновых вроде не предвещало ничего необычного. Пётр ожидал, пока жена Елена прихорашивалась у зеркала. Подкрасила губы, положила помаду в сумочку. Что-то ещё в ней поискала и вдруг остановилась у стола:

–Мам, прямо не знаю, говорить или не стоит?

–Ленушка, не тяни, я опаздываю, машина ждёт.

–Мне сон приснился...

–Тьфу, а вечером рассказать нельзя?! – торопил Пётр.

Но Елена, нервно разглаживая на столе скатерть, перебила его:

–Помните, когда Петя привёз меня к вам в Бийск, а сам дослуживать уехал? Помните, меня домовой душил? Мы ещё лечиться ходили к бабе Варе?

– Ну...

–Мама!? – спешил и потому нервничал Пётр.

– Погоди, Петя! Ленушка, не тяни, говори.

–Он сегодня мне опять приснился. Тот же маленький, горбатый и лохматый старичок – не старичок, но не молод, с большущей кудрявой бородой, чёрной с проседью. Сидит в углу большой пустой комнаты и говорит мне:

–Ты сегодня берегись. – И так мне тревожно стало, даже сердце зашлось.

–Наш это домовой. Я его с собой из Бийска забрала, когда к вам в Красноярск переезжала.

–Да будет вам, – уже не так уверенно проронил Пётр.

–Петя, ты давай-ка Елену до работы проводи.

–Мне через дорогу – пять минут ходу. – Работала Елена на складе в столовой строящегося завода искусственного волокна, как раз напротив окон их дома.

–Вот ты её через дорогу и проводи.

–Пошли, довезу, в целости и сохранности.

–И встретить.

–Ясно.

–Петя...

–Мама, сказал встречу! Всё, пошли, что ли?!

Проводив Петра и Елену, Анастасия Петровна подошла к окну, аккуратно отодвинула штору, подождала, пока служебная машина Петра подъехала к корпусу столовой. Пётр помог Елене выйти, проводил до дверей, вернулся, и машина тронулась. Анастасия, вроде успокоившись, направилась на кухню варить Танюшке кашу. Пока варила, увидела в окно, как к магазину подъехала машина и стали выгружать колбасу. Значит надо бы занять очередь. Докторская колбаса по два рубля девяносто копеек за килограмм. Деньги недавно поменялись, но пока и "старые" в ходу. Так это новыми – два девяносто. Оно, конечно, не дёшево, да и в очереди крику на весь Каменный квартал, но ведь и продают не часто. Хотя... как-то не ели в семье магазинную еду. Готовила Анастасия отменно, так что докторская колбаса – это скорее от того, что дефицит. Ну как не взять, когда в окошко видно?

Тревога, то ли из-за сна Елены, то ли Бог весть от чего кошкой скребла Анастасии душу до самого вечера. А вечером и совсем стало неважно. Вот и Соловьёвы дома, и Давыдовы. А Петра и Елены всё нет. Анастасия то и дело подходила к двери, прижимаясь ухом к филёнке. Может, уже по лестнице поднимаются? Ничего не услышав, шла к кухонному окну: могли в гости к знакомым зайти и теперь назад возвращаются. Когда в уличную дверь раздался стук, ещё не успев ни о чём подумать, почувствовала нестерпимую тревогу. Бросилась открывать, а руки дрожат.

– Мама, Лена дома? – На пороге стоял Пётр. Шляпа съехала на бок, пальто нараспашку.

– А ты за ней разве не зашёл? – и осеклась на полуслове. В руках Пётр держал сумочку, с которой Елена ходила на работу.

– Нет её на работе, и склады не опломбированы. И вот, – протянул сумочку. – Туфли в раздевалке, она там в других, без каблуков ходит. Пальто, сумочка... всё на месте. А Ленушка будто исчезла!

– Как исчезла? – растерялась Анастасия Петровна. – Туфли, пальто...

– Всё вокруг обежал. Как испарилась. И никто ничего не видел.

– Ты склады-то опломбирова́л бы... – Анастасия открыла сумочку: тяжелый пломбир, паспорт, кошелек, губная помада, платочек. Всё на месте.

– Не до складов мне! Пойду искать.

– Машину-то отпустил что ли?

– Так служебное время кончилось. Всё, по путевке в гараж вернулась.

– В милицию, в «скорую»... может, к Орловым забежать? Но что ей там делать? К теще?

– Ой, мам!

– В сторожке телефон есть! В милицию и скорую можно позвонить! Оденься теплее. На улице ветер и вон, снег пробрасывает.

Но он будто не слышал:

– Попробую, вдруг дозвонюсь?! – и как был в лёгком пальто и шляпе, выскочил за дверь.

Бросив игрушки, чувствуя неладное, тихонько всхлипнула Танюшка. Анастасия Петровна вышла на кухню, выглянула в окно. Пётр подошёл к сторожке, подёргал дверь – заперта. Поднял голову, посмотрел на окно. Она открыла створку:

– Нет, не приходила, – крикнула в холодный ночной воздух. Он в ответ махнул рукой в сторону арки.

Время тянулось, как смола. За окном завывал ветер, кидая в стёкла колючие снежинки. На часах половина третьего. Анастасия Петровна подошла к входной двери. Тихо. Ни шагов, ни голосов в подъезде. В пятом часу прилегла на диван. Тикали часы, в оконное стекло хлестали порывы ветра. Круг света от настольной лампы по-прежнему высвечивал коричневые узоры на скатерти.

Наконец, мимо окна проехал первый автобус. Анастасия Петровна собрала внучку и отправилась на Бумстрой, к матери Елены Устинье. Тут недалеко. Пара автобусных остановок. Может, Елена там? Мало ли... Но дома застала только сестру Устиньи – Акулину.

– Настасья Петровна, никак что стряслось? – раздевая Танюшку, заволновалась Акулина. Коротко пересказав случившееся, Анастасия заключила:

– Уж и куда бежать, не знаю... – а потом вдруг кинулась к Танюшке и запричитала: – Сиротинушка ты моя го-о-орькая...

– Сватья, ты никак ополоумела? Может, разругались, разбежались!

– Сказал бы. Нет! Нет! Ой, горе мне, горе!

– Тебе не доложились! Прекрати сей момент завывать, как по покойникам! Я сегодня со второй смены, а то бы теперь ушла на работу. Поеду к Надюшке. Родные сёстры все-таки. Вдруг знает что-нибудь. А по дороге забегу в милицию и «скорую», может там, что выясню. А ты езжай домой, жди. Ну а я, как всё обойду, к вам заеду.

Анастасия Петровна вернулась домой. Сложила поленья в печь. Затопить? Рано ещё. Беспомощно толкалась по квартире, берясь то за одно, то за другое. Глянула на часы. Время подходит к обеду, а от Акулины ни слуху, ни духу. Да что же это такое? Господи? И Анастасия Петровна упала на колени перед маленьким образком, висевшим над её кроватью. Этой иконкой ещё её мать благословляли, потом её, потом она Петра и Елену. Анастасия молилась. На диване, сжавшись в комок, сидела Татьяна. Вроде в дверь кто-то стукнул? Показалось? Но от пережитого волнения ноги слушались плохо, и она вместо того, чтобы опрометью кинуться открывать, кое-как поднялась с колен.

В дверях стояла Акулина. Разулась у порога, скинула на плечи шерстяной клетчатый платок, прошла в комнату.

– Значит так, сватья. Пётр лежит в технической больнице. Ну, той, что супротив проходной бумажного комбината, через дорогу от столовой, в которой работаю. Тут недалеко. Поговорить с ним не могла, но я всё-таки убедилась, что это он. Потому и долго. Зашла на работу, взяла свой столовский халат, да платок. Прошла чуток по коридору, и заглянула в палату.

Анастасия Петровна только швыргала распухшим от слёз носом.

– Петро ночью пришёл в «скорую», Лёнку искал, – от волнения Акулина называла Елену так, как когда-то в её детстве в Рязани, когда та была совсем ребёнком: – Видать продрог так, что в «скорой» и свалился. Они его увезли в больницу. Говорят, какое-то сурьёзное воспаление лёгких. Сильный жар. Без памяти он.

– Он на той войне всё своё здоровье оставил! Тонул, живой остался. А теперь вот... – Мелкие слезинки, не переставая, катились по её щекам.

– Лёнку надо искать... – Акулина вновь набросила платок на голову.

– Может, горячего чаю?

– Неколи. Отправлю Устишку к Надьке, пусть поводится с Володькой и Галиной. А мы с Надюшкой... в морг ходим. Только там и не была ещё.

– Акулина Фёдоровна, может, и Танюшку пока к Надежде? Я бы к Петру...

– Ну, що ж?! Одевай.

Автобус остановился напротив четырехэтажного кирпичного здания – техническая больница. Анастасия Петровна чувствовала, как мелко трясутся её руки, и зуб на зуб не попадает. И спешила, и боялась увидеть своего сына. Ну, хоть в одном повезло: как раз попала во время разрешённых посещений. Ей выдали белый халат и дерматиновые тапочки сорок последнего размера. Не отрывая от пола ног, чтоб не потерять их, зашаркала в палату.

Заострившийся нос сына, чёрная щетина по щекам и испарина на лбу. Анастасия присела рядом. Достала платок, промокнула лоб. Рядом на тумбочке стоял стакан с водой. Взглядом спросила мужчину на соседней койке: чей?

–Его. Медсестра иногда заходит, губы смочить.

Набрала чайную ложечку, приподняла его голову, влила в рот. Так и сидела, изредка смачивая водой его губы, пока не вошла медицинская сестра.

– Приходите завтра. Мы вам пропуск выпишем.

– Там диванчик в приёмном покое, мне бы остаться...

– Нельзя. Никак нельзя. Да и чем вы поможете? – видя, что просьбы переночевать в приёмном покое не прекратятся, санитарка почти выдавила своим корпусом Анастасию Петровну за дверь.

На улице осенний ветер рванул полы пальто, дунул холодом за воротник, вышиб из глаз слезу. А, может, и не ветер был тому виной? Доехала до седьмого участка, напротив проходной Ворошиловский завод строил дома для своих работников. Это и был седьмой участок. В одном из новых домов жила сестра Елены – Надежда. Анастасия шла от остановки и смотрела на окна: в комнате Надежды свет. Значит дома. Ну, ясно, Галина, Володька – Надеждины дети, да Танюшка, куда ж их деть?

Устинья и Акулина сидели на диване. На кухне Надежда кормила ребятишек. Её муж – Петро, работал во вторую смену. Так совпало, обеих сестёр мужа – тёзки. Анастасия расслабила платок, ожидая: что скажут?

– Слава Богу, в моргах нет, – как могла, успокоила Акулина.

Не в силах удержаться, Устинья заголосила тоненько, горько:

– За что же это мне горе такое? Али я провинилась в чём? Господи, забери мою жисть, спаси дочь мою Елену!

– Хватит заживо-то хоронить! Раз в моргах нет, значит живая. Утром снова искать пойдём. – Решительно пресекала сестру Акулина. Та послушно вытерла глаза кончиком головного платка, кивнула:

– В моргах нет. Стало быть, живая. Бог дасть, съедем.

Решили, что детей оставят с Надеждой. И распределив между собой, кому куда идти или ехать, направились по домам.

Третьи сутки Анастасия неотлучно сидела возле сына. Либо Акулина, либо Надежда привозили днём горячий куриный бульон в банке, укутанной так, чтоб не остыл, и Анастасия чайной ложечкой поила сына. На третьи сутки к обеду Пётр пришёл в себя. Врач глянул поверх очков:

– Ну что ж? Поздравляю. Кризис миновал.

Анастасия протирала сына махровым полотенцем и пуще всего боялась, что вот сейчас он спросит про Елену.

– Слава Богу! Один очнулся. А то бабонька, что считай вместе с тобой привезли – только её днём, а тебя ночью «скорая» доставила, так и лежит чурка-чуркой, без сознания. Ни документов при ней, ничего, – вздохнул мужик, явно радуясь, что сосед по койке не помер.

– Мама, помоги... – попытался подняться Пётр.

– Петя, я сама...

– Да ты что, мужик? Нельзя тебе! А-а-а! Держись, коли так! – И сосед почти подхватил на руки Петра.

В соседней палате, белая как мел, разметав по подушке кудри, лежала Елена.

– «Скорая» доставила. На заводе искусственного волокна, там, где столовая, укладывали бордюры возле пешеходной дорожки. Стали натягивать трос, чтоб ряд ровно выставить, а тут женщина перейти решила. Трактор трос дернул, а она как раз шагнула, ну и головой о бордюр с размаху ударилась. – Врач вздохнула, поправила стетоскоп на груди: – Ни документов при ней, ничего... И в себя не приходит. Не знаем, как и быть. Хорошо мимо «скорая» проезжала, так рабочие остановили и вот... – она кивнула на кровать с пациенткой.

– Невестка это моя. Сын её искал, когда к вам попал...

– Надо же? Чтобы так совпало... – Удивилась, но как положено врачу, строго добавила: – Нашлась невестка – это хорошо. Но Петру Ефимовичу – строгий постельный режим никто не отменял!

Оставив Петра на нянечку, Анастасия Петровна кинулась к Акулине. Не очень радостная новость, но все-таки лучше, чем полная неизвестность.

По ночам, лёжа на своей кровати, Петро ждал, пока в больничном коридоре затихнут шаги нянечек и медсестёр, чтобы потом, стараясь не шуметь, направиться к женской палате. Приоткрыв дверь, чутко прислушался. Ему казалось, что слышит едва уловимое дыхание жены. При слабом свете ночника, пытался рассмотреть её лицо и возвращался в свою палату, а через некоторое время вновь повторял свой поход. И каждый раз ждал, что вот сейчас Елена вздохнёт и откроет глаза. Но шли дни, а она так и не приходила в сознание.

В это утро (только закончился врачебный обход, и Пётр присел на кровати) в палату вернулся лечащий врач.

– Пётр Ефимович, мы тут целый консилиум собирали... понимаете, состояние вашей жены...

– Что?! Ч-ч-что!?

– Тише, тише! Пока без изменений, но в любой момент... понимаете, уже две недели она не приходит в сознание, и все наши усилия результатов не дают.

Пётр отстранил врача, поднялся с кровати, повернулся к нему спиной и уставился в окно:

– Вы хотите сказать, что Ленушка... Ленушка...

– Пока всё не так критично, но время может быть упущено... для лечения и тогда...

– Так чего же упускаете время? – сказал, не поворачиваясь, и не узнал своего голоса.

– Дело в том, что остался только операционный метод. Надо делать трепанацию черепа. Другого выхода не вижу.

Пётр молчал. Вот так же тогда с сыном. Поверил врачам, оставил Валерика... Если бы забрал его из больницы... если бы забрал! Сын был бы жив! Он виноват в его смерти! А теперь вот... Лenuшка.

– Нет! Нет! Не-е-ет!

– Не кричите. Вы тут не одни. Подумайте, хорошенько подумайте. Только, не долго, чтобы не опоздать! – и врач вышел из палаты.

Весь день Пётр просидел на стуле возле кровати жены. Лишь изредка, если кто-то из соседок по палате просил, выходил в коридор. Он держал её за руку и чуть слышно рассказывал, как её искал и как нашёл и какие красивые у неё кудри. И старался не моргать, потому что слёзы капали ей на руку. Стеснялся своей слабости, но ничего с собой поделать не мог. Подошло время ложиться спать, укрыл жену потеплее и пошёл к себе.

Затихли больничные шорохи и шарканье тапочек по коридору, а он всё смотрел в белый больничный потолок. Вот потолок качнулся, поезд тронулся, и он увидел, на нижней плацкартной полке, на белой наволочке разметались кудри жены. Она чуть заметно улыбнулась ему и тут проводница взад вперед, взад вперед мимо них! А чтоб тебя! Он вздрогнул, приснилось? И услышал в коридоре какую-то суету. Но разобрать ничего не мог. Лежать стало невтерпёж! Поднялся и, сам не зная почему, торопясь и суется, обул не на ту ногу тапочки, даже не заметил этого, запнулся об угол кровати и выскочил в коридор.

Дверь в палату, где лежала Елена, приоткрыта, суета именно там. Шаркая слетающими тапочками, подошёл к этой двери, но ни зайти, ни остаться у входа... сердце стучало прямо в горле. Наконец, дверь открылась, вышла медсестра. В одной руке чёрный пластмассовый фуляр прибора, которым меряют давление, в другой белая эмалированная ванночка с использованным шприцом. Удивлённо глянула на Петра:

–Что с вами?

В белых больничных кальсонах, такой же рубахе, чёрные волосы с проседью на висках всклокочены, один тапochек слетел. Он пытался поправить больничную рубаху так, будто это матросская роба.

– Похоже, ваша жена приходит в себя. Глаза приоткрыть пыталась и рукой шевельнула. Соседка заметила, на пост сообщила. Там сейчас дежурный врач, – кивнула на дверь палаты. – Тише, всех перебудите!

–Я только на минутку, я...

–Да вы что? Ночь, женская палата. Ну и посмотрите на себя. Вы же женщин перепугаете, – и заспешила прочь.

В палате Елены на окна повесили плотные шторы, закрывающие свет. На тумбочке небольшая настольная лампа, прикрытая сверху плотной тканью. Но как только она пыталась открыть глаза или что-нибудь сказать, её лицо искажала гримаса боли, и она очередной раз теряла сознание.

–Её бы в отдельную палату, а то тут: то звякнут, то брякнут, да разговоры всякие...

Врач поправил стетоскоп на груди, поднял глаза к потолку:

– У нас даже операционная общая на три стола. Где же я возьму отдельную палату? И так что могли, сделали. Ну и... размышлять долго ещё собираетесь? Разве не видите, как она мучается?

–Гарантии какие?

–Гарантии? Операция – всегда риск! Даже аппендицит! А тут! Ну, ведь не из любви к искусству настаиваю. Другого пути не вижу. И думаете, мне хочется брать на себя такой риск? Говорю же вам – нет у неё другого шанса! Нет! Это моё твёрдое убеждение. Смотреть, как пациент на твоих глазах гибнет, а ты бездействуешь, думаете просто? – и направился в ординаторскую.

На следующий день к Петру в приёмные часы пришла Акулина.

– Мы тут посоветовались... Меня послали с тобой поговорить, потому как Устинья только зачнёт про Лёнку говорить, слёзы её душат и толку никакого. Татьяну Портнягину просить хотели, соседку нашу по бараку, помнишь ли? – Петро утвердительно кивнул. – Она может многое и голову лечит от сотрясения. Ну, уж ежели не поможет... воля ваша. Но попытать стоит. Я не то что особо врачам не доверяю, но хучь меня в пример возьми... Да и, это же страсть – не операция.

Договорились, что завтра в приёмные часы Акулина приведёт Татьяну Портнягину, Пётр проводит её в палату.

После ухода тёти Лины он сидел около жены и шёпотом медленно пересказывал ей всё, что услышал.

– Ты не бойся. Я рядом у дверей постою.

Елена чуть сильнее сжала веки, потянула уголок губ, изображая улыбку. Не боюсь, мол.

В длинной чёрной складчатой юбке и темной кофте в мелкий белый цветочек, в белом с серыми крапинками платке, опущенном на лоб до самых глаз, высокая статная старуха вошла в больничный коридор. Пётр провёл её к Елене. Женщины замерли на своих кроватях. Татьяна наклонилась и что-то негромко сказала Елене. Достала чёрную ленту, аккуратно просунула ей под голову, завязала узелок над переносицей. Достала кусочек белого мела, в нескольких местах что-то аккуратно отметила на этой ленте и осторожно сняла её. Складывала, совмещая полоски мела, что-то вымеряя. Потом махнула Петру рукой: подойди.

– Вылечу я её. Сотрясение сильное. С начала лечения ходить ко мне будет через день, потом пореже, ну а там как Бог даст.

– Тётя Таня, да как ходить? Она даже глаз открыть не может, от света сознание теряет, боль такая, – шептал Пётр.

– Я сейчас полечу. Уйду, она уснёт. Не пугайся. Так быть должно. Завтра утром опять приду. Ну, а там посмотрим, как сама двигаться сможет, тогда уж и выпишывайте.

Петро с недоверием смотрел на эту женщину. Соседка тёщи, столько лет в одном бараке через дощатую стенку живут. Елена как-то рассказывала, что за лечение никакой платы не берёт, но редко кого лечить соглашается.

Татьяна тем временем отстранила Петра в сторону, приложила к голове Елены левую ладонь, правым кулачком легонько стукнула по ней. Пётр замер, какие удары? Она шевельнуть головой не может! А Татьяна, знай, прикладывала ладонь да постукивала. Елена лежала спокойно, Пётр неотрывно следил за её лицом. Потом Татьяна вновь подсунула свою ленточку, что-то снова мерила, встала, положила ей на лоб руку:

– Спи. Я завтра ещё приду. Отдыхай пока, – и кивнула Петру: – Проводи.

А к концу недели Анастасия Петровна, приподняв на подушках, кормила Елену куриным бульоном.

Из больницы уходили вместе. Только Петра выписали, а Елена оставила расписку, что от операции отказывается на свой страх и риск.

Глава 5 Юрка

В последние дни августа 1959 года в сибирском городе небо всё чаще хмурилось уже не летним дождём. На тополях ещё зелёная листва, без золотого окаймления, ещё вовсю цветут на клумбах астры, но по ночам в кухонную форточку всё чаще задувает холодный ветер.

Подросших ребятишек: Юрку и Танюшку собирали в школу. Купили школьную форму, портфели, тетрадки, пеналы, карандаши. Школьную форму для Танюшки покупала бабушка. Мария собирала Юрия. А вечерами Анастасия Петровна и Мария на кухне обсуждали, что

купили и что ещё необходимо приобрести. Анна купила в подарок крестнице набор цветных карандашей. Сама же ребятня пока плохо представляла, что её ждёт впереди и продолжала играть во дворе в прятки, прыгать в классики и перед сном с неохотой мыть уши. Но вот набор карандашей оказался таким красивым и необычным, что Танюшка хвасталась Юрке:

–Смотри, тут есть розовый карандаш! А белый, ты видел когда-нибудь белый карандаш?

Нет, белый карандаш Юрка не видел. В его наборе такого не было. Но зато он мог похвастаться настоящим ремнём в настоящих брюках, а не на лямках с пуговицами.

– Смотри, вот так: раз – и застёгиваешь! Видела, видела какая пряжка? Со звездой! У папы такой же! Конечно папин больше, чем мой, но этот тоже совсем взрослый ремень! А фуражка, – Юрка примерил фуражку, нащупал кокарду над козырьком, – не то, что какая-нибудь панамка!

Но и ремень, и фуражка Татьяну почему-то мало интересовали. За окном на асфальте ждали нарисованные классики, и бита имела красивая – жестяная баночка из-под монпансье, заполненная песком.

И вот оно: первое сентября тысяча девятьсот пятьдесят девятого года.

К этому времени прошло почти 30 лет с тех пор, как военный эвакогоспиталь № 983 освободил кирпичное четырёхэтажное здание школы №47 по улице Песочной. В бывшей операционной давно расположилась учительская, а в палатах учебные классы. Вместо кроватей для раненых парты для детей. Жизнь постепенно вошла в мирную колею.

Этот первый для Танюшки и Юрия осенний школьный день выдался тёплым, солнечным. Девчонки в белых фартуках, с огромными белыми бантами и букетами цветов, мальчишки в школьных форменных костюмах с блестящими пуговицами и фуражках с настоящими кокардами и тоже с букетами наперевес потекли ручейками к школе. Старшие шли одни, а первоклашек сопровождали родители и бабушки.

Татьяну с букетом гладиолусов вела бабушка. Рядом шагал Юрка за руку с мамой и тоже нёс большой букет, стараясь держать его так, чтобы не загоразивать блестящую пряжку на ремне.

И побежали школьные будни и праздники. Особенно красивый и всеми любимый – Новый год. В актовом зале школы установили ёлку под потолок, украсили игрушками, блестящим дождиком. И как тут вытерпеть, не подсмотреть в щелку приоткрытой двери? Заранее расписаны роли, выучены слова стихов. Сшиты костюмы. А сшить костюм для выступления на школьной ёлке, разве это просто? Юрка – арлекин. У него красивый комбинезон из двух разных половинок: одна из одного вышедшего из употребления мамино платье, другая из другого. Три огромные пуговицы из ваты обтянуты красным шелковым материалом. На голове колпак, разрисовывать который взялась сестра Зина. Юрка, не отрываясь, следил за ней, выдавая важные, по его мнению, советы.

Татьяна – Снегурочка. У Татьяны-Снегурочки из-под короны, украшенной елочными бусами, спускаются на плечи две толстых, белых, шелковых косы. Шёлковые нити для этих кос подарили на заводе, что напротив дома. Там как раз какую-то выставку проводили. Белой аптечной ватой, будто мехом, отделана самодельная шубка из белого материала. Сшиты даже белые сапожки и варежки. И роль Снегурочки от зубов отскакивает:

– Я Снегурочка, Снегурка! Белолицая девчурка!

Белых зайчиков пасу,

А стемнеет, при луне я танцую в тишине...

Эта история случилась весной того же учебного года. К концу подходила последняя четверть. И тут такое. Татьяна получила двойку. В тетрадке, где красовались четвёрки и пятёрки, выглядела двойка просто ужасно.

–Тамара Ивановна, можно я останусь после уроков и всё перепишу, а вы снова оценку поставите? – Искала выход Татьяна.

– Хорошо. Но перепишешь дома и завтра принесёшь.

А ещё Юрка, сидел на корточках в коридоре, домой-то им вместе идти. Вчера только его мама хвалила её и ставила Юрке в пример. А теперь что? И как тут быть? Оставалось только одно: как-то спрятаться от Юрки, а по дороге домой что-нибудь придумать. К выходу из школы шли старшекласники. Спрятаться между ними мелкой первоклашке – запросто. Всё, теперь бежать! Куда? Куда, куда, вон в тот скверик по дороге домой. Там небольшой фонтан, а вокруг лавочки. Мысль пришла сама собой. Спрятать тетрадку с двойкой под лавочку. А дома сказать, что потеряла. Но оказалось это совсем не просто. Сначала тетрадка никак не находилась в портфеле. Потом Татьяна вспомнила, что новые тетрадки в классе все начинали одновременно и Тамаре Ивановне надо будет объяснять, почему у неё новая, хотя ещё должны быть странички в старой? И что сказать дома, какую получила оценку, пусть и в потерянной тетрадке? Наконец, чуть не плача и почти сама веря, что теряет тетрадку, сунула её под лавку и кинулась бежать из сквера.

Юрка топтался у подъезда.

– И куда ты делась?

– Я тетрадку потеряла... – От пережитого не в силах удержать слёзы, всхлипывала Татьяна.

– Где?

– В сквере, где фонтан... под лавкой! – Уже совсем горько плакала Татьяна.

Юрка забрал её портфель.

– Пошли, найдём. – И зашагал назад.

По дороге Юрка рассказывал, как он с отцом склеивает деревянную модель самолётика. И сколько там деталей, и что эта модель – настоящая!

– Она летать будет, как взаправдашний самолёт!

Немного помятую и влажную тетрадь положили назад в портфель.

–Подумаешь, немножко попадет! И всего-то один разок. Пошли домой, а то есть хочется.

Школьные годы действительно чудесные и быстро летят. Вот и окончен первый класс. Анастасию Петровну с Танюшкой на всё лето отправляют в Бийск, на родину Петра. Там живёт родной брат Анастасии – Иосиф Петрович с женой и двумя дочерьми. У него свой дом на берегу реки Бии и огород со свежими овощами.

Мария с Юркой уезжали в Пензу, к бабушке. Там на берегу реки Суры бабушкин домик и тоже огород. Юрку увозили первым.

– Вот, на тебе машинку. Можешь пока играть. А когда я вернусь – вернёшь. Ладно? – И он передал Танюшке черную пластмассовую машинку. Грузовичок на крутящихся колёсах. Татьяне нравилось нагружать в неё какую-нибудь мелочь: фантики, камешки и будто куда-то перевозить. Но бабушка одергивала:

– В машинки мальчики играют, а девочки в куклы, или вон у тебя посуда кукольная есть.

Татьяна с бабушкой уехали несколько дней спустя. В секции стало тихо и скучно.

Так же тихо подкралась осень. Загорелая и отдохнувшая домой вернулась Татьяна с бабушкой, которая уже соскучилась по своему домашнему хозяйству. Ведь, как известно в гостях хорошо, а дома лучше. Оказалось, что Юркина мама тоже уже приехала, и только Юрки не было видно. Татьяна тихонько приоткрыла дверь в комнату Давыдовых, заглянула внутрь. Юркин папа как всегда что-то читал за столом, Зина уткнулась в учебник, а Мишка клеил Юркин самолётик. И только Юрки она не увидела.

–Куда-то спрятался? – растеряно спросила, просунув голову в приоткрытую дверь. Но тётя Мария вместо того, чтобы пригласить её пройти в комнату, зачем-то обняла за плечи и повела на кухню.

– Понимаешь, Юра больше не приедет.

– Он остался у бабушки? – И только теперь заметила, как постарела красивая Юрина мама. В чёрных кудрявых волосах появились такие же серебринки, как у бабушки Петровны. И платье черное, и глаза чёрные, чёрные.

–Остался... навсегда. Понимаешь, он купался в речке Суре, а там рыбаки сети поставили. Запутался и... утонул.

Во второй класс Татьяна пошла одна. Но почему-то была уверена, что, может, ко второй, ну или к началу третьей четверти Юрка обязательно приедет! И аккуратно хранила чёрную пластмассовую машинку, чтобы отдать, когда вернётся.

До весенних каникул оставались считанные дни. Танюшка достала из потайного места подаренную Юркой машинку. Развернула цветной лоскуток, в который тщательно её заворачивала, и вдруг заплакала горько, навзрыд.

– Танюшка, Татьяна, что с тобой? – Анастасия Петровна склонилась над внучкой, свернувшейся клубком на полу. – Порезалась? Ударилась? Что с тобой?

– Вот! – Протянула бабушке пластмассовую игрушку. – У машинки кусочек отломился и куда-то делся. Как, как я теперь верну Юрке машинку? – плакала внучка.

Анастасия Петровна взяла в руки игрушку, по спине пробежал холодок. Потихоньку успокоила внучку, твёрдо решив не возвращать ей эту игрушку.

А весной Давыдовым дали новую отдельную квартиру, и они переехали, оставив Анастасии Петровне записку с адресом, чтобы если что, то знала, где они живут. Что «если что» никто не уточнял, но расставание получилось молчаливым и тягостным, будто не соседи, а родственники разъезжались.

В освободившуюся комнату въехала семья Кузьминых. Тетка Соловьёвой Анны Кузьмина Аннушка, с выбеленными перекистью кудряшками, голубоглазая, шустрая продавщица. Её муж Геннадий, крупный, черноволосый, но уже заметно начинающий лысеть мужчина. Их дочь Лидия, ровесница Татьяны и совсем ещё малыш Сашка, кареглазый толстячок. «Весь в папу», – смелась Аннушка, поглаживая мужа по объёмистому животу.

Поскольку Соловьёва Анна и Кузьмина Анна были тёзками, то как-то само собой получилось, что к весёлую, непосредственную Кузьмину Анну в квартире называли не иначе как Аннушкой.

Глава 6 Бессонное лихо

В этот день к Кузьминым приехали родственники из деревни. И даже не из деревни, а из посёлка геологоразведки – из тайги. Но, странное дело, люди приехали совсем не таёжные. Голубоглазая, русоволосая женщина в модных туфлях на высоком каблуке – Евдокия Ивановна. Муж её, Константин Александрович, высокий, крепкий, черноглазый и черноволосый. Одет в такой же костюм, как у Петра выходной. Такой и стоит дорого и достать не просто. С ними трое сыновей: видать, погодки. Старший Виктор, средний Михаил, и младший Александр. И, похоже, семейство ожидало ещё пополнение.

Аннушка суетилась на кухне, готовила угощение, попросив Анастасию Петровну немного помочь. Обе женщины не заметили, как из шумной ватаги исчез один из сыновей Евдокии и внучка Анастасии Петровны Татьяна.

– Отряд не заметил потери бойца, – прогудел баритоном Геннадий. – Куда им деться? Заглянули в ванную, в туалет, обыскали кладовку – нет!

–Евдокия Ивановна, куда ж им тут деться? Значит, не услышали, как ушли гулять! Дети же! – успокаивала Аннушка гостью.

–М..да! Побег с охраняемой территории. Обувайся, Константин Александрович, пока Мишка с Танюшкой далеко со двора не умотали, найдём! – Геннадий сунул ноги в туфли.

– Это надо же без спросу из дома уйти! Где теперь их искать? – Не дослушав соседку, Геннадий и его приезжий родственник, отправились на поиски. Но не успела дверь захлопнуться, как в неё снова постучали.

– Не охайте, не кричите – всё обойдётся. Выходите потихоньку. Гляньте вниз по лестничному пролёту.

С внутренней стороны лестницы, перехватывая руками металлические прутья, по выступающим краям ступеней спускались белокурый мальчик и кудрявая девочка. Под ними зияла высота трёхэтажного лестничного пролёта сталинской постройки. Взрослые замерли, боясь окриком или просто резким звуком напугать детей. Первым спустился мальчишка, поднял голову, увидел взиравших сверху родственников и соседей.

– Анастасия Петровна, а зачем тут столько места пустого оставили? – спросил как ни в чём небывало. Подъездное эхо подхватило: вили, вили, вили...

– Так ведь обещали, что лиф тут будет... – гулко, на весь подъезд, объяснила Петровна, а про себя подумала: "Надо бы поругать сорванца, несмотря, что гости". Но вместо этого, облегчённо вздохнув, что всё обошлось, только и выговорила:

– Ты бы Миша, осторожнее. Всё-таки такая высота!

– Не... тут не очень высоко. Вот когда я на кедр залезал, там повыше было.

– Так ведь Танюшка ни на кедры, ни на какие другие деревья лазить не умеет. Так что давай договоримся высоко не лазить, далеко не убегать. Ладно?

А вечером, когда детей уложили спать, Аннушка негромко постучала в дверь Сафоновых:

– Анастасия Петровна, мы тут стол накрыли. Может, зайдёте по-соседски? Анна с Иваном будут, да вы. Посидим немного.

– Елена с Петром – как хотят, а я – вдруг Танюшка проснётся?

– Не за тридевять земель, через стенку услышите.

Под уютным светом круглого абажура за накрытым столом мужчины выпили по рюмашке, по второй. Женщины, кроме Елены, пригубили портвейн. И разговор потёк сам собой. Разговаривали негромко, поскольку за небольшой дверкой, в каморке сооруженной строителями над аркой дома, приспособленной Кузьмиными под детскую, спали дети и свои, и гости.

– Ты посмотри, строят и строят! – Геннадий кивнул в сторону окна.

И разговор завертелся вокруг строительных тем. Женщины переговаривались о чём-то своём. Вдруг Соловьёва Анна охнула:

– Ой, м...м...

– Где болит? Покажи-ка? – спросил приезжий гость.

– Почечная колика. К врачу надо. Но вы не волнуйтесь, это очень больно, но не смертельно, хотя затягивать с лечением не стоит.

– Врач, поди? – кивнула Анастасия Петровна вслед Константину, помогавшему Ивану увести Анну.

– Нет. Но... жизнь его многому научила, – Аннушка тревожно глянула на Евдокию. А Петровна, задумчиво разгладив складки платья, негромко сказала:

– Да... кто бы сказал мне молодой, что останусь без своего дома, в чужой город уеду, а в моём доме в моём родном городе... чужие люди хозяйствовать станут.

– Мама, ну к чему ты всё это говоришь? И кому интересно? – Пётр недовольно положил вилку, резко звякнувшую о край тарелки.

– Ну отчего же? Анастасия Петровна про свой дом говорит, не про чужой. Многие теперь чужое своим считать не стесняются, – негромко, но чётко проговорила Евдокия.

То ли выпитая стопка помогла расслабиться, то ли выговориться очень хотелось, только Петровна не послушала сына:

– Я родом из Бийска. А там, на улице Толстого стоит дом. В пору моей молодости улица Лесозаводской называлась. Дом этот до сих пор жильцы называют Сафоновским. Елене пришлось жить со мной в небольшом домике на соседней Кузнецкой улице, а наше семейное гнездо... – Анастасия Петровна вытерла глаза белоснежным платочком с вышитым уголком, – я ей показывала.

– Да, дом крепкий, двухэтажный. Я потом с его жильцами познакомилась. В него восемь семей поселили, – Елена вздохнула, отпила глоток чая. – А дворовые постройки частью развалились без присмотра, частью разобрали на дрова.

– Вот я и говорю: что не дорого досталось, то не жалко потерять. – Вздохнула Анастасия Петровна.

– Я, Пётр Ефимович, понять вашу маму могу. – Одними уголками губ улыбнулась Евдокия, обернувшись на негромко хлопнувшую дверь. Это вернулся Константин. Иван остался с женой.

– Надо бы вашей соседке почки проверить. Ну да ладно. Слышу, вы тут разговор за жизнь завели? – усмехнулся в усы, – Давайте-ка, мужики, ещё по одной!

– У меня картошечка тушёная есть. Печка ещё не остыла, значит и картошка тёплая, – засуетилась Анастасия Петровна.

– Аннушка, подложи-ка ещё капустки! – Геннадий хозяйским взглядом окинул стол.

– А я смотрю: туфли модные, костюм... По одежде судя, не очень на таёжных жителей похожи, – пристроив на столе тарелку с картошкой, Анастасия Петровна аккуратно села на прежнее место. – Сами-то откуда будете?

– Геологи мы, Анастасия Петровна, рабочий класс! Элита, можно сказать! Снабжение в геологоразведке хорошее, заработки тоже. Так что возможности есть. Ну а сами-то мы... местные, сибирские. – И повернувшись к мужчинам добавил: – Может, перекурим?

Геннадий подошёл к окну, отёрнул штору, открыл форточку. Положил на подоконник пачку папирос "Беломорканал", спички, рядом поставил пепельницу. – Чем богаты.

Петро достал из кармана такую же пачку, а Константин папиросы «Север».

Закурили, дым сизой струйкой потянулся в форточку. Через дорогу, напротив окна за одним уже работающим заводом, возводили другой, так что на фоне чёрного ночного неба загадочно и празднично продолжали сверкать огни электросварки.

– Вот этот завод уже начал шёлковую нить выпускать. – Петро кивнул на темный оконный проём, за которым через дорогу расположились заводские корпуса. – Перестанут женщины ночевать в очередях. А то вон прошлый раз втемяшилось маме и Ленушке домой ковровые дорожки купить, так сначала мать караулила, когда их в магазин привезут, потом три очереди занимала. – Пётр выпустил в окно колечко дыма: – Продавали по два с половиной метра в руки, а они решили три к ряду в комнате постелить, значит семь с половиной метров надо. Вот и стояла мать сутки в очереди, ещё и Танюшку прихватила с собой!

– Купила? – улыбнулся Константин.

Петро утвердительно кивнул.

– У нас в магазин геологоразведки тюль привозили. Моя Евдокия тоже прикупила, – Константин заулыбался, и от уголков его глаз разбежались лучики морщинок. – Только недолго радовалась.

– Что так?

– Ну, посмотрел я – вроде крепкая такая тюль. Опять же ячея в самый раз. Да и за один заход, что с ней станется? А сеть где ж её возьмешь? Вот и решил показать сыновьям как с

бредешком по реке ходить. Подумал, потом в этой же реке выполошем и вернём, как ни в чём не бывало.

– Вернули, – от смеха Геннадий закашлялся, выпуская табачный дым.

– Тебе смешно, а нам тогда не до смеха было. Зацепили за корягу на дне. Я и так и этак, и в воду залез отцепить – ни в какую. Одни клочки назад принесли. – И затянулся папироской. – Досталось, конечно, на орехи. Посмотрела моя Евдокия, и, поджав губы, ушла ребячьи рубахи стирать. Дня три ещё "стреляла" в меня своими голубыми глазищами. Было б где, рулон бы той тюли ей купил, чем такой "обстрел" выдерживать!

– Ну, мужики, бросаем курить пора за стол, – пригласил Геннадий. – У... да тут женщины из закровов бутылочку достали!

Елена ещё не оправилась от своей болезни, и Пётр проводил жену отдыхать. Аннушка тихонько звякала тарелками в кухонной раковине и что-то чуть слышно напевала себе под нос. Евдокия и Анастасия Петровна пристроились возле кухонного подоконника, о чем-то негромко переговариваясь. Трое мужчин остались в комнате одни. Выпили ещё по рюмке, повторили...

Константин отломил кусочек хлеба, посмотрел, прищурившись, положил в рот:

– Эх, какой же хлеб вкусный... – сказал, и что-то в его лице неуловимо изменилось. То ли морщины резче обозначились, то ли глаза потемнели. – Где там мои детушки? Живы ли, едят ли хлебушка вдоволь? – отбросил со лба густую чёрную прядь волос.

– Так вон они, спят, как сурки, – кивнул Петро.

Константин усмехнулся:

– Вернулся ли Артур с фронта? А если вернулся – невредим ли? Как живётся Эдику? Володьке? А тому, кто без меня родился? Ничего-то я для них сделать не могу! И руки свои подставить им не могу, чтобы поддержать, помочь... – Упёрся высоким лбом в крепкий кулак. – Три сыночка да жена четвёртым беременная была. Кто родился сын ли, дочь ли? Не знаю. Где теперь горе мыкают? – посмотрел на будильник, который в вечерней тишине чётко отбивал ход времени: – Время идёт, а я бьюсь, как рыба об лёд, без вины виноватый перед ними... – заглянул в пустую рюмку. Геннадий хотел было плеснуть водки... – Не надо! – допил из чашки остывший чай. – Легче от водки не становится, а вот злее становлюсь. – Перевёл взгляд на Петра: – Это вторая моя семья. Первую-то отобрали... – Налил чашку густой заварки: – Слабовато для чифирия, – усмехнулся, вздохнул глубоко, задержал дыхание и, как бы решившись, продолжил:

– Старшему сыну Артуру тогда седьмой год шёл. Второй – Эдик, пяти лет от роду. Младшенькому – Владимиру, только – только три года исполнилось, а жена моя, Екатерина – четвёртым ребёнком беременная ходила. Жили мы в Енисейске. Работал я тогда начальником продснаба. Зима тридцать пятого года холодная, лютая была. Да и откуда ей в Енисейске тёплой быть? Неподальёку от нас жила семья солдата... да что жила... с голоду помирали и женщина, и трое ребятишек мал мала меньше. Отца-то их в Красную Армию забрали. А тут смотрю, реквизируемая корова от бескормицы уже и на ногах стоять не может. Того и гляди околеет. У хозяина отобрали, корма не заготовили. Ну, отдал я той солдатке корову, только у неё-то на дворе сено оставалось. Говорю, додержишь до зелёной травки – своих детей от голодной смерти спасёшь и корову сбережёшь. А там вернёшь в хозяйство, летом корм для неё заготовим. Думал, по-хозяйски рассудил. – Константин замолчал, вглядываясь то ли в папиросный дым, то ли в своё прошлое.

– Заготовили? – попытался вернуть его к действительности Геннадий.

– А как же? Заготовили... чёрный воронок. Как-то вечером пришёл посыльный. Вас, говорит, Константин Александрович, завтра в НКВД вызывают. Всю ночь промучился. Понимал, что ничего хорошего не ждёт. Но даже представить утром не мог, что вижу своё семейство в последний раз!

– До суда арестовали?

– Не-ет. До суда допрашивали. А когда ничего не "допросили", вызвали ту женщину, которой корову на содержание поставил, и стали её при мне допрашивать. Она взмолилась, мол, дети малые дома одни уж третьи сутки. А ей говорят, ничего, мы их ещё вчера погулять на улицу выпустили. Вот подпишешь бумагу и иди, запускай их домой. А то, что же ты за мать такая, детей поморозишь насмерть? На улице-то минус сорок.

– Подписала?

– Подписала.

– С детьми-то её, как? Не знаешь?

– Не знаю. Только её тоже посадили... – Вздохнул, допил остывший чай. – Так и попал на Колыму, на прииск Водопьяновский. Десять лет с объявлением врагом трудящихся и конфискацией имущества дали. В начале тридцать шестого, по морозцу отправили этапом.

– Про твоих-то, тех твоих, – мотнул куда-то в неопределённость головой Пётр, – ничего не известно?

Константин поправил двумя руками чёрные густые пряди с серебристыми нитями проседи:

– Ничего...

–Так, может, в розыск подать?

–Подал, Петя, давно подал. Первым делом, как только бумагу получил, что свободен.

–И что?

–Нашёл след Артура в одном детдоме. Оказалось, в другой перевели, а там говорят, после детдома в военное училище поступил. А дальше, известное дело – служба. Так и шёл я за ним по пятам. Да, бумаги дело долгое. Жизнь быстрее течёт. Не успевал.

–А остальные... – Пётр кашлянул, голос охрип.

–Эдику в детдоме вообще додумались фамилию поменять. Я же враг, так чтоб знать меня не знал. – Он закурил, выпустил клуб дыма: – Дальше след потерялся. Но ему в начале тридцать шестого года уже пять лет исполнилось, должен помнить свою настоящую, отцовскую фамилию... значит и меня помнить... должен. – Затянулся табачным дымом, помахал рукой возле лица, чтобы развеять дымовую завесу: – А вот третьего сына и следов не найду. Мал был. Фамилию свою плохо выговаривал. Искал по детдомам созвучные – своего не нашёл.

–А жена беременная, Екатерина? Она как же?

–Была, а, может, и сейчас где-то есть. Каково ей пришлось? Могу только представить – жена врага народа! Детей отобрали, по детдомам раскидали. Напал я вроде на след, но... рано, пока рано, что-нибудь говорить. Суеверным стал, сглазить боюсь! – повернулся к Геннадию: – Заговорил я вас?

– Время-то ещё – десяти нет. Часок, другой можем потолковать.

Рассказ затянулся за полночь. Аннушка прикорнула рядом с детьми. Анастасия Петровна и Евдокия вели на кухне у окна свой неспешный разговор. А мужчины то сидели за столом, то курили у форточки. А Константин, выбирая свободные места, топтался по комнате, выписывая зигзаги. Растревоженные воспоминания жгли его душу, выливаясь наружу житейскими подробностями человеческих страданий.

– Вот ты, Петр, мать одёрнул. Мол, всё равно ничего не вернуть, так зачем душу травить?

Пётр хотел было что-то возразить, но Константин выдохнул облако дыма, поднял руку:

– Да понимаю я, опасаясь, как бы мать чего лишнего не сказала при посторонних-то людях. Это при мне, то есть и моей жене. Да и я бы тебе про свою жизнь лишнего рассказывать не стал. Только устал играть в молчанку и жить без вины виноватым! Да и времена изменились.

– Изменились? На днях воронок из нашего дома ночью по тихой кого-то увёз. Я на кухне возле форточки курил, сам видел! Вот и подумаешь... – Пётр поднялся со стула, подошёл к окну, встал напротив Константина. – Тёща моя говорит, плетью обуха не перешибёшь! Я с

Морфлота пришёл. Семь лет под водой ходил, есть что вспомнить! Ершился, доказывал теще что-то... И жизнь виделась такой... такой... Вроде две войны прошёл, а из подводной лодки жизнь совсем другой виделась.

– Ладно, ребята, ладно, перебудите ребятишек! – осадил пыл Геннадий.

– Десять лет на Колыме в забое золотишко для Родины добывал. Оправдали! И медаль за доблестный труд вручили. Да мне не жалко для России, для победы! Отпустили бы на фронт, хоть и в штафбат. Просился, убеждал, что смогу бить фашистов лучше многих. А мне, мол, чем бить? Золото нужно. Война, расходы большие. Тут... вой! Мне обидно за другое. Вот скажите, это десять лет потребовалось, чтобы разобраться, что урона государственному имуществу не причинил! Враг? Я враг? Понятно дело, что есть места, куда мало желающих ехать работать. Ну... пусть бы сказали: разобрались – не виновен. Но нужен в этом месте. Государство приказывает, тут тебе надо вкалывать!

– Хрен редьки не слаще, – пожал плечами Геннадий. – Всё одно на Колыме в забое.

– Ты бы видел тех, кто меня там, на Колыме гнобил! Глянь на меня – Бог силушкой не обидел, а то бы гнили мои косточки под деревянным крестом с табличкой-номером.

– Да не в том дело – враг, не враг. Но сам подумай, кто по доброй воле задарма на Север в мороз, в забой полезет? Прежде чем сказать: оставайся работать на Колыме, надо чтобы ты туда приехал. Вот ты бы добровольно поехал? – И Пётр с прищуром взглянул на Константина.

– Ну, знаешь, Енисейск тоже не южные берега. И потом, у меня семья, дети малые...

– А у других кто? Щенки? И каждый так. А тут обеспечил охранников жильем, жратвой, автоматами – и порядок!

– Служат что в конвое, что в охране – в большинстве отморозки! Откуда столько дерьма в России набралось? – Константин рассматривал папиросу так, будто она и была тем самым отморозком.

– В любом процессе жизнедеятельности есть продукты отхода. Вот такие "продукты" и пошли конвоирами в лагеря. А что мрут эки... так новых поставят! Дёшево и сердито! – Пётр потряс начатую бутылку: – По граммульке?

– Да всё понимаю. Не дурак. Но я там был, я видел, какие люди гибли! А могли бы жить!

– После драки все мастаки кулаками махать. А тогда, немец прёт... что делать? Только ту же гайки закручивать, да пояса затягивать! – рассудил Геннадий.

– Немец пошёл в каком году? А меня за хрен собачий загодя посадили!

– Так. Хватит! Одно дело детей растерянных во время войны искать, а другое... У меня за спиной тоже не щенята, – приподнялся Геннадий. – Давай Петя, чтоб всё у нас хорошо было!

– Давай. За нас, за победу, за Родину, за Сталина!

– Петя? Ты что нас... за кого принимаешь?!

– За победителей. За Сталина – нравится он нам или нет! За генералиссимуса Победы! Это невеста должна нравиться, её надо любить, а генералу, войну выигравшему, воинская почёт положена!

– Мужики, ну, как-то не по себе. Чувство такое, будто у стен уши есть. – Геннадий махом выпил стопку, обхватил обеими руками голову. А Пётр продолжил:

– Я тоже мог бы жить побогаче и есть повкуснее. Вот потому и не хотел, чтобы мать в воспоминания ударялась. Ходит потом, как в воду опущенная, а я всё вижу, всё понимаю, да изменить ничего не могу! А теперь, честно говоря, не знаю – хочу ли? Дедов дом, конечно, жалко, но посмотри, какие заводы поднимаются?!

– А с чего ты, Пётр, взял, что при прежней власти тут бы так тайга и стояла? Может, заводы бы уже давно работали? И не на костях людских строились, – мельком глянул на Геннадия, – ладно, ладно! – Повернулся опять к Петру: – Ты только подумай, Пётр, ведь вместо того, чтобы друг другу морду бить, могли бы жизнь свою благоустроить!

– По-другому как-то надо было решать, – кашлянул в кулак и тут же притих Геннадий.

– Вот тут ты прав. Зря революцию подняли. До седых волос дожил, а не понял: то ли мы подняли, то ли нас на это дело подняли? Наступили умеючи на любимый мозоль, вот мы и взвились не подумавши. Не понимаю, кому от этого выгода? Уж только не нам. Какому хозяину выгодно собственный дом разворотить и жить в разрухе? Плох, покосился? Перестроить, но не посылать самого себя с протянутой рукой по миру. А то: хозяйева, то есть мы – по миру, а пришлый люд давай тащить всё, что можно и нельзя.

– Ну, потерявши голову, по волосам не плачут. А морду мы не только друг другу били, ещё и фашистам начистили. И будь у власти кто послабее – подумайте, вон ребяtnю дома уговорить попробуй, а тут ... Конечно, гайки до живой крови закрутили. Но ведь в охране на Северах не Сталин стоял, а обычные люди. Только сам, Константин, говоришь, дерьмовые. Вот и думаю, только ли голова виновата? Теперь Сталина нет, вроде полегчало, но увидел ночью воронок и признаюсь, ёкнуло сердце. И вот говорим каждый о себе чистую правду, а Геннадий опасается. Чего? Вот так-то. – Пётр покрутил в руках пачку папирос, рассматривая её и так и этак: – А что власть поменялась, так со школы помню: рабовладельческий строй, капиталистический, значит, время так повернулось, что пришла пора другого строя. Думаю, этого не избежать было.

– Вроде полегчало?! Наверде Володи, под вид Кузьмича! Повернулось? Ну да, повернулось! Только ко мне всё больше задницей! Где воинской госпиталь у вас в городе знаешь? Тот, что на левом берегу возле парка, в самом центре города?

– Это бывшая семинария. Из красного кирпича выстроена, – уточнил Геннадий.

– Знаю, даже как-то бывать приходилось, – кивнул Пётр. – Лечился ты там, что ли?

Константин потушил папироску, уткнув в пепельницу, вылез из-за стола, подошёл к окну, вдохнул полной грудью. Не поворачиваясь, ответил:

– Нет. Там, напротив, чуть наискосок стоит двухэтажный дом, справа и слева каменной, ну, противопожарной стеной от соседей отделённый – это дом моего деда, дом Буденковых. Если найдёшь где в библиотеке старую карту города – не поленись, глянь, дом так и помечен.

– Особняком стоит, в коммуналку не превратили, – Геннадий потёр ладонью лоб, – с чего бы?

– Вот и я о том же. С чего бы, у деда отобрали, а "народу" – усмехнулся Константин, – не отдали? А с того, что стоит в самом центре теперешнем, вот кому-то и приглянулся.

– Так там, рядом ещё дома есть – их отдали под коммуналки, – кивнул Пётр через плечо, будто этот дом за спиной.

– Ну, всё не загребёшь. Могут "грабельки" пообломать. Власть хоть народная, хоть благородная от людей, которые её в руках держат, зависит. К каждому надсмотрщика не приставишь. А как сказала Анастасия Петровна, что имела её семья в прошлом большой дом, а жить ей пришлось в маленьком домишке... Понял я, что и вас лихо не обошло – потрогал бок эмалированного чайника: – Ген, сходи, поставь чаёк. Не тревожь женщин, сами обойдёмся, – Константин замолчал. Геннадий подождал – не скажет ли ещё чего? Вышел, но следом же вернулся, не желая пропустить хоть что-то из этого рассказа. Потому что хоть и многое знал про родственников, но ещё больше вопросов имел, а вот выспросить не решался.

– Чайник у Петровны на печке ещё остыть не успел. Вот, – и разлил кипяток по чашкам. Какое-то время молча отхлёбывали густо заваренный чай.

– Дом, да ещё в центре города? Наверное, золотом заправлял дед?

– Нет, – усмехнулся в усы Константин, – сладкой продукцией: пряники, таргалетки, карамельки... Фабрику имел и свой магазинчик при ней. Выпускали столько, что ещё и в другие города отправляли. Мал я тогда был, но помню, вдруг тревожно в доме стало. На тот момент господра-товарищи, которые революцию затеяли, до наших краёв добрались. Дед рассказывал, что в театре на сцене вместо спектаклей кто-то заседает. Потом пришёл да и говорит, что в городе многих его знакомых, особенно из чиновников, арестовали. Власть сменилась. Мол, на

фабрике никто на работу не выходит который день. Столько товара пропало! Что тут рассказывать? Сами понимаете. Отобрали фабрику. Ну, дед не из робкого десятка был. Видать упёрся рогом в землю. Кому же своё заработанное за здорово живёшь отдавать хочется? Что уж там у него вышло, только в доме суета поднялась. Собрали, связали узлы, погрузились на телеги и отправиться в места, откуда дед родом, в Енисейск то есть. Теперь думаю, дед ареста опасался.

– Может, и не надо было срывать-то? Туда тоже, поди, революция докатилась? – Пожал плечами Геннадий.

– Может, и не надо. Знать бы, где упадёшь, соломки бы подстелил. Без крайней нужды не стал бы дед срывать семью с насиженного места. Теперь только гадать можно.

Дед с бабкой впереди, мать, сестра и я следом, на второй подводе тащились. Зима, вьюга, дороги перемело. Так подумать, было с чего искать места поспокойнее: то красные, то белые, то Лазо, то Колчак. Колчак – ладно, мужик при регалиях, с умом. Хотя опять же ни добро Российское, ни жизнь свою сберечь не смог! А Лазо – пацан, по житейским меркам, чуть более двадцати тогда ему было, а сколько дел наворотил!? В его возрасте не мудрено. Но кому от этого легче? А эшелон этот чехословацкий, что на путях растянулся? А в эшелоне вагоны золота! Вот и подумайте: за какие такие коврижки людишки из чужих стран в Сибирские морозы пожаловали? Понятное дело: господи прости, помоги наскрести да унести. Вот и кинулся дед подальше от всей этой кутерьмы. Откуда ему было знать, что даже в Сибири, коей конца краю не видать, не найти спокойного места, чтобы переждать эту, как он полагал, ну я так думаю, смуту.

Помолчал, собираясь с мыслями, и опять заговорил:

– Я тогда более всего опасался, что мама сама лошаадьми править будет. А ничего, ещё как правила! И тут приключилось с нами такое, что и теперь только предполагать могу. Сначала наш обоз догнал отряд. Не поверите, сплошь офицеры. Обмундирование на всех с иголочки. Сколько их было – не знаю, укутан был до самых глаз, не очень-то головой повертишь! Мне показалось, всё, конец нашим мучениям, это за дедом, мол, возвращайся домой! Ан, нет! Офицеры эти тоже с обозом шли. Подводы какими-то тяжелыми ящиками груженные были, хоть и укрытые поверх и перевязаны, а видно и потому, как кони в напруг тянули, да контуры обрисовывались. Посторонились мы, ну и в снег врюхались. Офицеры о чём-то недолго с дедом поговорили, пока их обоз нас обходил, потом, правда, помогли нам, вытащили назад на накатанную дорогу и только снег закрутился им вослед. Я и задремал, успокоился как-то. Раз офицеры впереди нас – значит порядок, ничего страшного не произойдёт.

– Какие офицеры на таёжной дороге, да ещё в новеньком обмундировании? Не привиделось ли тебе по малолетству?

– Нет, Гена, не привиделось.

– Так неужели это Колчак золото, ну хоть какую-то часть из того, что в вагонах было...

– Не знаю. Ящики не просвечивали. Потом, по жизни интересовался, припоминая этот эпизод. Обоз этот не только мы видели. Встречались мне люди в тайге, тоже кое-что припоминали.

– А поискать? Ведь примерное место, выходит, знаешь?

– Эх, Гена! Что золото, когда сыновей своих найти не могу?! А жизнь так быстро катится! Вот и эти подрастают! Они моё золото! Одних растерял, этих пуще глаза своего берегу. Не встречу я Евдокию, кто знает, может, и кинулся бы на поиски. А так, куда они без меня?

– А дальше-то, дальше-то что? – интересовался Геннадий.

Константин достал из пачки беломорину, закурил, отправил к потолку клуб дыма:

– Недалеко мы отъехали, опять нас нагоняют. Только эти одеты кто во что горазд и первым делом без разговоров давай наши подводы шманать, – глянул на Петра, усмехнулся: – Обыскивать. Сначала вроде что-то искали, а потом давай имущество, какое с нами было, на свои подводы перетаскивать. Кто на лошади верхом был – поперёк седла тюки кидал. Грабят,

да тем временем про какой-то обоз спрашивают. Видать, про тот самый, офицерский! Ну, дед за грудки одного:

– Что, сволочи, делаете?!

Мать металась по снегу, пытаясь ухватиться за руки, за полы зипунов.

– Детей пожалейте!

Константин замолчал, взглядываясь в повисшее под потолком облачко табачного дыма.

– Федька, пристрели эту оглашенную и её выродков!

И так явственно вдруг вспомнилось ему, как мать кинулась к сестре, оттолкнула её в сторону, и упала, закрыв его собой. Лёжа на спине, из-за материнского плеча видел, как подошёл какой-то мужик, штыком подцепил мать за одежду:

– Лежи, дура горластая, не вздумай шелохнуться, до тех пор, пока тут кто есть. – И передёрнул затвор. Раздался выстрел, другой. Мужик, повернув носком сапога лицо матери в снег, добавил: – За пацаном следи, чтоб не пикнул. – Бросил окурок сигарки и отошёл в сторону. Интересный мужик получается. Вроде с бандитами заодно, но и сам себе на уме.

Попавший за шиворот снег растаял, и стало так холодно, что невольно застучали зубы. Неудобно подвёрнутая нога ныла и мёрзла. А мать еле шевелила губами: "Тише, сыночка, тише". Наконец, она осторожно повернула голову, приподнялась, огляделась, села. На дороге никого не было. Ни дедова обоза, ни тех, кто нагнал. Только тощая кляча, запряжённая в розвальни с сеном, видать оттого и осталась на месте, что никому не нужна стала. Прошарили обочины дороги: ни сестры, ни деда, ни бабки, ни живых, ни мёртвых не нашли. Значит, их зачем-то с собой увезли.

– Похоже, в самом деле, колчаковцы везли золото в ящиках, а за ними бандиты гнались. Но выходит – и в банде не все самые последние гады, – заключил Геннадий.

– Думаю, нас бросили, решив, что тот мужик пристрелил. Ну, помогли мы кляче оторвать примёршие к снегу полозья розвальней и тронулись в путь. Хотя, какой тогда из меня помощник?

– Нам бы до Юкеево добраться. Есть там человек, который не даст нам погибнуть. – Помню, я слушал мать, а хотел только одного, чтобы быстрее хоть куда-нибудь добраться, где тепло и не стреляют.

Константин замолчал, затягиваясь папиросным дымом, шурился, глядел в потолок, будто там

что-то видел.

– Костя, Кость?! Ты чего замолк? Устал? Так это, может уже спать?

– Ну, если вам надоело, то я, Гена, сей момент прекращу свой рассказ.

– Что ты, Константин! Молчишь, вот мы и подумали, что может и не надо дальше-то бередить? – Петро курил, стоя у форточки, потому что возле стола дым и так повис сизым облаком.

– Да ладно. Дальше-то не так уж плохо. – Константин тепло улыбнулся впервые за весь рассказ. – Вы про золото интересовались? Не буду лукавить, интересовался я потом и обозом этим, и вагонами с золотом через всю Сибирь растянувшимися. По-моему выходит, что много золота в Японию уплыло. Да и чехословацкий интерес тоже надо иметь в виду. Потому как невозможно дело – сесть на воду и задницу не замочить.

Разговаривал я с одним зеком, который утверждал, что видел, как ящики с золотом на пароход перегружали. Но, похоже, не из того обоза, а то, что в составе оставалось. Без Колчака уже. А значит и без нашего контроля. И что-то не слышал, чтоб нам кто-то золото возвращал. Может, покупали у япошек что? Но не видел я ничего японского у нас.

Вот и думаю: не специально ли нас стравили? Пока мы друг друга лупцевали смертным боем, всякие интервенты успевали растаскивать наше добро.

А место... – Константин улыбнулся в усы, – так примерное место кто же из сибиряков не знает? Только по Сибирским меркам примерное место величиной с какую-нибудь неметчину или того больше будет. Поди, найди, где те ящики спрятали. С одной стороны, что на нашей земле спрятано, никуда от нас не денется. С другой стороны, надо бы вернуть то золото, которое на иностранном пароходе уплыло.

Только от революционной мурцовки отошли, заводы построили. Опять же, что ни говори, а лампочка Ильича даже в деревнях зажглась! И тут опять на нас попёрли. Как мёдом русская земля намазана!

– Так разуйте глаза, мужики: уголь, нефть, золото, тайга и поля. Пшеничка, мясо и меха. Вот и лезут кусок урвать. – Гроыхнул стулом Пётр. – На чужой каравай всегда желающие имеются.

– Ага. Только сами живём, зубы на полку положив. Мясо, меха... – криво усмехнулся Константин.

– Мужики, что-то мне ваш разговор... не того... – замялся Геннадий.

– Того, не того... Научиться бы как-нибудь не кулаками отмахиваться, а головой думать, чтоб не допускать на свою землю... всякую мразь. А то, как война, так припрутся к нам, разнесут всё к чёртовой матери, а мы потом рассуждаем: где мясо, где молоко? Где? Где? – И Константин добавил в раздумье: – Прикиньте, сосед на вас с кулаками пойдёт, вы же не будете ждать, пока он к вам домой вломится? На подходе... настучите в морду.

– Если идёт дело к драке, ты прав Константин: не на своей земле, на подступах воевать! К чему на своей земле всё крушить, да жён и детей подставлять? – рассудил Пётр. – Правитель должен видеть к чему дело клонится и...

– И не допускать войну до своей земли! Упреждающий удар, так сказать, должен быть! – договорил за Петра Константин.

– Что это вы взяли рассуждать, будто вас в правительство приглашать собираются? Вас эти вопросы вообще не касаются, – одёрнул гостей Геннадий.

– Кого это из тут находящихся не коснулось? А? – Наклонил голову Константин. – И что ты, Геннадий, весь вечер одергиваешь нас? Так доживёшь, что и собственных мыслей пугаться начнёшь! – Константин помолчал, ожидая возражений, но никто ничего не сказал. И заговорил.

– Ну, так вот, прибыли мы в Юкеево только на третьи сутки. Судьба остальных родственников до сих пор мне неизвестна. Хотя, воспользовался я случаем и через Гену теперь знаю, что вроде тётя Нюра нашла моего четвёртого ребёнка – дочь Иду. Вот приехали выяснить достоверно. Остальные... погибли, нет ли? Я уже говорил, что работал в Енисейске, оттуда и арестовали. А наши вроде в этот город направлялись. Но следов там никаких не нашёл. Может, кого судьба на чужбину закинула, может, погибли. Не знаю.

Константин рассказывал, и вдруг почудилось ему, будто знакомым запахом из детства пахнуло.

– Въехали в Юкеево. Оказалось, мать знакома с этой местностью, потому что правила точно к дому кузнеца. И не ошиблась. Подъехали, у ворот остановились. Мать и стукнуть не успела, как ворота открылись. Вышел крупный черноволосый мужик, мать, как пушинку, на руки подхватил, мне кивнул: "Заводи коня".

Жил он в доме один. Сам со всем справлялся. В тот же вечер баню натопил.

– Ты, сынок, – сказал, – ничего не бойся. У меня вас никто не тронет. – И давай меня веником охаживать, да приговаривать: "Баня парит, баня правит".

Потом сели ужинать. Он глянул на мать и спрашивает, знаю я или нет? Чего, думаю, знать я должен такого особого? А мать вздохнула:

– Костенька, отец это твой... вот нас приютил. Не оставил в беде.

– Ну что ты говоришь такое? Это теперь и ваш дом, а не приют! Чтб слов таких не слышал! – видно было, что рассердился сильно. Потом повернулся ко мне:

– Не пришёлся я ко двору твоему деду. Вот и вышло, что рос без меня. Да судьба по-иному распорядилась. – Константин опять замолчал, показалось ему, будто услышал отцовский голос.

В комнату вошла Евдокия:

– Накурили-то! Хоть топор вешай, – негромко попеняла и присела на край кровати. – Костя, людям утром на работу...

–Ну, что? Остальное в другой раз. Отбой, мужики!

В окно смотрел месяц. Вперемешку с небесными, только ближе, мерцали звёздочки сварки на будущей заводской трубе, тихонько вздыхала Евдокия, претворяясь спящей. Видно тоже душу разбередила воспоминаниями. Константин закрыл глаза, но сон не приходил.

Вдруг вспомнилось, как смотрел на отца во все глаза, и понять не мог, отчего дед, любимый дед, поладить с ним не мог. А ведь рядом с ним так хорошо и покойно? Постепенно привыкать стал. Зима прошла, весна к концу подходила. Обнаружил как-то на стене дома гвозди в ряд набитые. "Зачем?" – спросил, а отец улыбнулся в усы:

– Собирайся, на берег Енисея пойдём.

–Чего на берег? Гвозди-то дома на стене?

–Увидишь.

А по дороге стал рассказывать, что гвозди эти для удочки.

–Удочкой рыбу ловят, гвозди-то тут при чём?

–А при том, что прежде удочку надо изготовить, и уж потом на неё рыбачить. Пошли, будем талину выбирать на удочки.

–И мне тоже?

–А как же? Мужчина должен уметь семью прокормить.

Выбрали две длиннющих ветви, каждый свою через плечо положил, и понесли домой. Пришли, уселись на крыльцо, стали тоненькую кору с них обдирать. Потом положили их на те самые гвозди вдоль стены дома и тоненькими полосками коры талины, из тех, что ободрали, привязали будущие удочки к гвоздям.

–Всё, теперь пусть сушатся, чтобы были прямые, да ровные. Надобно будет ещё остальную оснастку изготовить. А теперь в кузню пора. – И тут Константин точно сказать бы не мог, сон ли, явь ли, только увидел вдруг себя мальчишкой возле отцова дома. Стоит, смотрит на стену, где будущие удочки сушатся. Вдруг тень, глядь – отец. Он и спрашивает:

– Уже вечер наступил, а до оснастки так дело и не дошло. Что же это, семью рыбой кормить не будем?

–Торопыжка. Удочкам просохнуть надо, а то будут гнуться и ломаться. – И так явственно представилась эта картина, что он даже запах отцовский, раскалённого железа и кузнечных мехов почувствовал.

Ждать пришлось почти две недели.

–Константин? Пора оснастку готовить.

Достал отец большущую катушку белых портняжных ниток. Отмерил одну нить, чтобы длиной с удилице была. Отрезал два раза по три нити одинаковой длины, чтобы на обе удочки по оснастке смастерить. Сложил каждую тройку вместе, связал по концам, сел на ступеньку крыльца и давай по коленке нитки катать-сучить в тонкий жгут. Как тот жгут стал с коленки свисать, кивнул:

–Держи в натяг.

Насучит с полметра, вощиной натрёт до блеска и дальше вьёт.

–Рыба ко всякому запаху чуткая. Вот только пчелиным воском – вощиной и можно пропитать оснастку, чтобы не мокла, не гнила и в воде не видна была. – Получились две тонких, почти прозрачных и очень прочных нити.

–Теперь крючок надо, – уверенно высказал отцу своё мнение.

–Э... нет. Теперь надобно белую кобылу отыскать.

Шутит? Обидно стало. Ясно, смеётся. При чём тут кобыла?

–Эй, ты куда направился? Я тут одну знаю. Недавно подковы менял. Пошли, – и подтолкнул к воротам. Остановились у какого-то двора. Отец кольцо на воротах в руку взял, полюбовался:

–Моя работа, – стукнул пару раз: – Иваныч?

Долго звать не пришлось. Кузнец в Юкеево – человек всем необходимый. Хозяин появился быстро.

–Никак поводок мастерить собрался?

–Да, вот, с сыном удочки мастерим, – прищурился, улыбнулся: – Никак боишься, кобыла без хвоста останется? Ведь вся деревня к тебе по этой причине заходит?

–Ну, так я не каждому, нет, не каждому, но тебе-то как же, как же! Сей момент! – И немного погодя вынес в руке что-то совершенно не видимое на солнце. Отец перехватил из его кулака это невидимое нечто и направился назад.

Дома из трёх белых, прозрачных, почти не видимых конских волос отец сплёл сначала одну тонюсенькую косичку, потом вторую. Привязал к пропитанной воском основе сначала к одной, потом и к другой удочке.

–Вот теперь дело до крючка дошло.

Тук – тук! Тук – тук! – стучали молот и молоток в кузне.

Вш-ш-ш... – шипело раскалённое железо, остывая в холодной воде.

И вот тоненький металлический стерженёк в руках отца, изогнут и уже похож на крючок. И снова отец сидит на приступке крыльца:

Вжик – вжик! Вжик – вжик! – это поёт напильник. Крючку нужно жало. – Вж-ж-жик...

– не прекращает свою песню напильник! Да нет! Это не напильник! Константин открыл глаза. Солнечные лучи пробивались сквозь тюль, и скрежет металлических колёс по рельсам нового транспортного средства – трамвая, врвался через открытую форточку.

Глава 7 Побег

Евдокия лежала на плече мужа и старалась дышать ровно, будто спит. Слово за слово, разговорилась с малознакомой женщиной. К чему? Зачем? Не любила она жаловаться да и душу свою на замке за семью печатями держала. Ну и вроде ничего лишнего не рассказала. Тихонько, будто во сне, отвернулась, уткнулась носом в уголок подушки, не в силах справиться с нахлынувшими воспоминаниями.

Константин почувствовал, как напряглась спина жены, дрогнули руки:

–Спи, спи... всё хорошо, всё хорошо... – успокаивал её.

А она вдруг почувствовала, как ноет от побоев тело, как болят глаза, как невыносимо хочется пить... Сон ли, явь ли? Врезавшаяся в душу боль выплывала воспоминаниями помимо её воли.

–Сидеть! К спинке стула не прислоняться! Рассказывай, сколько народного добра переправила японским милитаристам?

Ольга с отвращением смотрела на тощий кадык, обтянутый дряблой кожей, и никак не могла отвести взгляд, потому что постоянно слышала одно и то же:

–На меня смотреть!

А смотреть на ощеренный рот с обломками гнилых зубов и редкие жирные волосы, прилипшие ко лбу, невыносимо до тошноты.

День, второй, третий. Господи, когда же это кончится?! На жестком стуле, прислониться к спинке которого нельзя, удар по затылку, зловонное дыхание в лицо или крик в самое ухо

заставляли выпрямиться. Она как заведенная повторяла одно и то же, всё, как было, что скрывать-то?

– На нём не было формы. Какие-то отрепья. Ноги обморожены. Заживо гниют. А морозы ниже тридцати градусов. Дала ветошь, обмотать. Ветошь... Всё. Больше ничего никому не отдавала. Проверьте, на складе нет недостачи!

–Ещё поучать будешь следствие, что нам делать, сучье вымя?! – и резкая пощёчина свалила её со стула.

– Ишь, развалилась! – Подошёл, зацепил носком сапога подол платья, задрал вверх. Она попыталась одёрнуть. – Куда руку тянешь? Куда! Кто разрешил? Прикрыться? Обойдёшься. Посидишь, помаешься по камерам, ползать... Смотреть на меня! На меня смотреть! Ползать научишься! В драную кошку превратишься! Лупает зенками... Встать! – И закашлялся, подавившись слюной.

Шла вторая неделя допросов. Сил подняться просто не было, но если не сможет... если не сможет...

– Егоршин, вразуми!

Резкая боль мурашками побежала по голове. Это Егоршин намотал косу на руку и рванул вверх, почти приподняв её над полом. В глазах вспыхнули искры. Удар! Куда? Не помнит... и все пропало. Очнулась, снова сидит на том же стуле, в лицо бьёт невыносимо яркий свет, болит каждая косточка. Всё болит. Егоршина в кабинете нет, только следователь. Что-то пишет, не поднимая головы:

– Что, японская подстилка, видать от удовольствия глаза закатила, вспоминаешь, как японским пленным народное добро раздавала, как они тебя... – дальше сыпался отборный мат. – Погоди немного, вернётся Егоршин, мы тебя... ласково обыщем. Мало ли что прячешь под бельишком!

А на его столе, с краю, только шаг сделать и руку протянуть – тяжёлое каменное пресс-папье.

– Я подпишу, всё подпишу...

– Давно бы так. Себя не мытарил и занятых людей не отвлекала. Ведь следствию всё известно, всё-ё-ё!!! Вот, – повернул к ней листок, – подписывай и пойдешь отдыхать... в камеру. Хочешь – к мужикам отправлю. Не пропадать же добру? Развлекайся, тебе же нравится, – захохотал, уронил карандаш, наклонился достать его из-под стола. Такой момент только один! Только один! И он не повторится! Она рывком поднялась со стула, схватила со стола массивное каменное пресс-папье и, как только облепленная жирными волосами макушка показалась из-под стола, сразмаху ударила по ней!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.